

АНГЕЛЫ ЭЛИЗИУМА

ГЕРАФИМ

18+

ОЛИВИЯ ВИЛЬДЕНШТЕЙН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Freedom. Ангелы Элизиума

Оливия Вильденштейн
Серафим

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вильденштейн О.

Серафим / О. Вильденштейн — «Эксмо», 2021 — (Freedom.
Ангелы Элизиума)

ISBN 978-5-04-188641-7

Селеста провела последние четыре года, строя жизнь вне ангельских гильдий. Вечеринки, колледж и человеческие амбиции вместо небесных. Один за другим перья с ее крыльев осыпались на тротуары Нью-Йорка. Она давно перестала общаться с ангелами, но один из них все же вернулся в жизнь девушки... Самый отвратительный из всех. Соучастник гибели ее лучшей подруги Лей. Сераф Ашер. Этот красивый упрямый парень даже и не думает оставить Селесту в покое! Он требует, чтобы она завершила крылья. А когда она просит назвать хоть одну причину для этого, он рассказывает о том, что на самом деле сделал с душой Лей. Ашер не собирался раскрывать свой страшный секрет. Но он знает, что это единственный способ спасти непокорную Селесту, которую он не может выбросить из головы... или сердца.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188641-7

© Вильденштейн О., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Иерархия ангелов	6
Ангельский глоссарий	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	59
Глава 14	62
Глава 15	66
Глава 16	69
Глава 17	75
Глава 18	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Оливия Вильденштейн

Серафим

То, что не уничтожит, изменит тебя.

Olivia Wildenstein

CELESTIAL

Copyright © 2021 by Olivia Wildenstein

© Борискина В.А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Иерархия ангелов

Серафим

Также их называют архангелами.

Всего их семеро.

Высшие небесные существа.

Истинные (чистокровные ангелы)

Малахим

Сборщики душ.

Истинные

Ишим

Оценщики. Определяют баллы греховности.

Истинные

Арелим

Стражи небес.

Истинные и гибриды

Офаним

Работники гильдии: профессора и руководители.

В основном гибриды, но ими могут стать и истинные

Неоперенные

Юные ангелы, которые еще не заработали свои крылья.

Истинные и гибриды

Нефилим

Падшие ангелы. Опозоренные. Бескрылые.

Смертные

Ангельский глоссарий

ama – мама
apa – папа
aheeva – любовь
ayim – вода
habamehot – спрячься
kalkohav – звездный свет
lehatsamehot – покажись
levsheh – милая/дорогая
lev – сердце
leh – мой
mota – кукла
motasheh – милая куколка
naya – рассвет
neshamateh – родственная душа
neshamim – души
neshaleh – моя душа
ni – я
sheh – сладкий
ta – ты
teh – твой
tched – демон
neshahadza – половинка души
yot – быть
zoa – искусительница

Пролог

4 года назад

Ашер

Еще никогда я не испытывал подобного отвращения к городу, но ни один город не сокрушал меня так, как Париж.

Париж, колыбель любви и греха.

Долгие годы я считал Джареда Адлера самым порочным грешником из всех. Сегодня я удостоился звания и оценки гораздо хуже той, что присваивают Тройке.

Собрав души даже не одного, а двух нефилимов, я скрылся с ними под дождливым небом столицы Франции.

Под цветущим вишневым деревом я протянул ладони и расслабил пальцы вокруг золотых сфер. Что, во имя Абаддона, заставило меня поднять их из тел? Мой безрассудный поступок мог повлечь за собой не только допросы, но и понижение ранга, изгнание из Элизиума и лишение придатков, которые делали меня тем, кто я есть. Всем, чем я являюсь.

Пока капли дождя барабанили по бледно-розовым лепесткам и падали на мои ботинки, точно свежая кровь, я закрыл глаза и запрокинул голову. Если бы существовали боги, я бы обратился к ним за советом, но мы, архангелы, единственные, кто выносит решения между жизнью и смертью, кто взвешивает судьбы и судит души.

Однако сегодня божественности во мне не больше, чем в муравье, который ползет по моему пальцу.

Я разлепил веки, сомкнул пальцы и сбросил ничего не подозревающее существо. Души пульсировали в моих ладонях, я расправил крылья и приготовился вернуться в «Суд Демонов». Но суровые влажные ветра подготовили для меня иной план.

Они проложили новый курс, раздробив мой моральный компас, уничтожив благородного ангела и пробудив в нем порочного человека.

Глава 1

Настоящее время Селеста

Я прошла через весь бар и втиснулась между крутым чуваком из кампуса и двумя щебе-
чущими несовершеннолетними девушками, на которых было слишком много косметики и
слишком мало одежды.

– Осторожнее, – заворчала белокурая старшекурсница, ее короткие волосы развевались
вокруг пары сережек в форме колец, которые впору использовать в качестве браслетов.

Не удостоив ее взглядом, я скользнула рукой по липкой деревянной барной стойке и
устредила все внимание на парня в бейсболке, надетой задом наперед, и в обтягивающей
майке, которая, несомненно, натирала ему соски.

– В горле пересохло, – пробормотала я. – Не возражаешь, если я это выпью?

Он потратил секунду, разглядывая меня с головы до ног.

– Ты совершеннолетняя?

Я притворилась, что сержусь, хотя и не придавала значения своей плоской груди и узким
бедрам. А затем облизала губы, стараясь сделать это привлекательно и нарочито медленно.

– Точно старше тех двоих.

Его бледные глаза вспыхнули, когда он подвинул ко мне пиво, купленное продолжавшей
ворчать блондинке.

– Все для тебя, красавица.

Мой набор колец на пальцах звякнул по охлажденному стакану.

– Обожаю щедрых парней. – Я притворилась, что подношу пиво к губам, но прежде, чем
стеклянный ободок коснулся кожи, я вытянула указательный палец и провела им по щетине
парня, затем ниже, вдоль горла. Его кадык дрогнул, выдавая волнение, заметное в расширив-
шихся зрачках. Отвлекая его медленным скольжением костяшек пальцев по грудным мышцам,
которые затвердели от долгих часов, что он провел в спортзале колледжа, я выудила бумажник
из его низко сидящих джинсов.

Кости моих крыльев задрожали, словно готовясь потерять перо. Вот только воровство –
не мой стиль. Чего нельзя сказать о поимке преступников с поличным.

Приподнявшись на носочки, я приблизилась губами к его уху.

– Если еще раз подмешаешь дозу в чей-нибудь напиток, – я раскрыла его бумажник и
вытащила водительские права, – Мэтт Бойд из Лафайета из штата Калифорния, я лично вызову
полицию. – И затем выплеснула пиво ему на грудь, получив огромное удовольствие от того,
как он выругался, когда холодная жидкость попала на его пах.

Оставив пустой стакан и его бумажник на барной стойке, я протянула удостоверение
парня Джейсу, моему напарнику в борьбе за справедливость, а также бармену и лучшему другу
с многочисленными привилегиями.

– Сумасшедшая сука, – брызжа слюной, прошипел Мэтт Бойд. – Если кого и арестуют,
так это тебя.

Я приторно ему улыбнулась. Хотя я и одарена сверхчеловеческой кровью, сверхчелове-
ческим ростом меня никто не наделил, поэтому пришлось запрокинуть голову.

– И за какое же преступление меня арестуют? За спасение ничего не подозревающей
девушки от наркотиков и изнасилования?

Когда Джейс забрал у меня ламинированную карточку, его пальцы слегка коснулись
моих.

– Я закрываю ваш счет. С вас двадцать баксов, мистер Бойд. Наличные или кредитка? – Джейс сфотографировал обе стороны удостоверения.

Тонкие губы Мэтта подрагивали в такт сердитому дыханию.

– Гребаное пиво на мне. А не внутри меня! – Схватив бумажник, он бросился прочь от бара, но столкнулся со стеной мускулов.

Леон, владелец «Трэпе» и старший брат Джейса, положил обе руки на плечи беглеца, а затем направил его обратно к бару. В противовес стройному Джейсу, Леон – настоящий здоровяк с большим количеством татуировок, чем у внесенных в голоранкеры гильдии.

Леон одарил меня улыбкой, в которой не хватало зуба после недавней драки. Хотя его бар в Гарлеме стал модным местом студенческих тусовок, он также пользовался популярностью у местных наркоманов и дилеров.

– Отличный улов, Селеста.

Мэтт начал извергать непристойности, которые стоили бы ему целой кучи перьев, будь он неоперенным.

– Спасибо. – Я начала зависать в «Трэпе» после того, как в прошлом семестре встретила Джейса на занятиях по уголовному праву. А потом продолжила проводить время в баре на цокольном этаже из-за невероятно жирных, но очень вкусных чизбургеров Леона и легкой компании Джейса. А поскольку можно вывести девушку из гильдии, но не гильдию из девушки, в напряженные ночи я следила за преступной деятельностью.

– Наличные или кредитка? – дружелюбно повторил Джейс.

Мэтт вздернул щетинистый подбородок.

– Черта с два я заплачу.

– Ты подмешиваешь что-то в выпивку девчонок в моем баре, – прорычал Леон, – а потом пытаешься меня обокрасть? Джейс, позови Томми.

– Кто такой Томми? – Голос Мэтта потерял нотки дерзости.

– Отставной морской пехотинец, который, как оказалось, еще и очень талантливый сушеф.

Томми – сильный спокойный мужчина с татуировками на лице, которые внушали страх большинству людей. Ко мне он всегда относился совершенно равнодушно, поэтому я не имела к нему претензий.

Когда Джейс направился в сторону кухни, Мэтт достал из бумажника двадцатидолларовую купюру.

– Никаких копов. Я ухожу. И обещаю, что вы меня больше никогда не увидите.

– Прекрасно, но я хочу, чтобы ты пообещал никогда больше не накачивать людей дурью. Думаешь, сможешь это сделать?

– Да. Я никогда... – Мэтт сглотнул. – Никогда больше не буду заниматься подобным дерьмом.

– Хорошо. А теперь отдай заначку таблеток, которую ты принес в мой бар.

Мэтт просунул руку в боксеры, достал маленький пакет и неуверенно поднял его.

Леон откинул руку парня.

– Не нужно пихать мне в лицо свой гребаный пот с яиц. – Он схватил мой пустой бокал из-под пива. – Брось сюда.

Мэтт закинул пакетик, затем развернул кепку, пытаясь скрыть лицо от растущего к нам внимания. Я услышала, как он пробормотал «дерьмо», когда старшая официантка и постоянная подруга Леона Алисия сказала:

– Все записано, Леон.

– Спасибо, детка. – А затем он понизил голос и прошептал что-то на ухо Мэтту, отчего спортивная крыса заерзала и стала такой же белой, как бриллианты, украшающие крест, который висел на шее Леона.

Первые пятнадцать лет жизни меня учили мягко исправлять непослушных людей, предлагая им руку, дабы направить на праведный путь. За последующие четыре года я поняла, что угрозы и грубая сила работают столь же хорошо, если не лучше. И куда быстрее.

Кто-то похлопал меня по руке – блондинка с большими серьгами.

– Мы с подругой хотели тебя поблагодарить.

– Не стоит, но в следующий раз следите за своими напитками. – Когда девушки повернулись к Джейсу, чтобы выразить бесконечную благодарность – клянусь, после слов благодарности они еще долго его не отпускали, – я достала мобильный из кармана моего бирюзового бомбера, чтобы проверить время, и заметила пропущенное сообщение от Мюриэль.

Прочитав его, я улыбнулась. Несмотря на то, что каждую пятницу я уезжала домой на выходные, каждый четверг Мими обязательно спрашивала, нет ли у меня других планов, и напоминала, что ничего страшного, если они появятся. Выходные – священное семейное время, и поскольку Мими теперь моя единственная семья, я посвящала их женщине, которая неизменно заботилась обо мне после того, как я потеряла Лей.

Лей... Мысли о ней все еще причиняют боль. Она была моей лучшей подругой, моей сестрой, моим якорем. Та ночь, когда она покончила с собой, опустошила меня. А потом я разозлилась. Я злилась на Джареда за то, что он побудил ее отказаться от своего долга. Злилась на Лей за то, что она позволила ему это. Злилась на Серафа Ашера за то, что он сжег ее крылья и сбросил обратно на землю с волдырями в форме полумесяцев на спине. Злилась на то, что мне не хватило сил удержать подругу в этом мире.

Я ненавидела Лей несколько недель, а потом возненавидела себя за эти чувства.

А теперь... Теперь я просто по ней скучала. Так же как Мими скучала по Джареду, мальчику, которого она растила как собственного сына.

Мои пальцы порхали по экрану: «Постараюсь приехать к обеду, но мне нужно встретиться с моим консультантом, так что не жди меня, если проголодаешься». А потом добавила: «Кстати, я достала нам билеты на субботний спектакль той пьесы, о которой я тебе рассказывала. Ремейк «Трамвая “Желание”».

Загорелись три точки, пока Мими набирала текст. Разумеется, она не спала. Мюриэль никогда не спала, предпочитая дремать урывками. Я смотрела, как точки танцуют и танцуют, ожидая длинного ответа, но все, что она прислала, это *OK, ma chérie*¹.

Джейс выкрикнул мое имя сквозь энергичную музыку, доносящуюся из динамиков. Он перегнулся через барную стойку и облокотился разрисованными чернилами предплечьями на липкую древесину. Его нос оказался в дюйме от моего. Он смотрел на меня своими карими глазами, которые были на несколько оттенков темнее и в то же время на столько же мягче моих собственных.

– Хочешь что-нибудь выпить, Си?

Я покачала головой.

– Нет. Я собираюсь вернуться в квартиру.

– Уже?

– Джейс, сейчас два часа ночи.

– Я буду скучать по тебе. – Мешанина неоновых вывесок, прибитых к цементным стенам, от «Быстрого ремонта обуви» до фиолетового контура гигантского баклажана и свиньи с крыльями поменьше – мой личный вклад – окрашивала его уложенные гелем волосы в яркие цвета.

Я закатила глаза.

– Мы увидимся через пять часов. – По пятницам я посещала утренние лекции, поэтому мои завтраки совпадали с окончанием его смены в «Трэпе».

– Я все равно буду скучать по тебе все эти пять часов.

¹ *Ma chérie* (франц.) – моя дорогая.

Я рассмеялась. Парень, с которым мы делили двухкомнатные апартаменты в здании, зажатом между кампусом и Риверсайд-драйв, продемонстрировал мне белоснежную улыбку. Она великолепна. И у него замечательный характер. Он осчастливит ту, с кем решит остепениться, и, хотя он шутил, что этой девушкой могу стать я, это не так. Если мое наблюдение за отношениями Лей и Джареда чему-то меня и научили, так это тому, что влюбленность ведет к хаосу и боли.

Мне же хотелось веселья. И легкости. Джейс идеально сочетал в себе и то и другое.

– Спокойной ночи, Си.

– Спокойной ночи, Джейс. – Я целомудренно поцеловала уголок его рта. – Веди себя хорошо.

– А ты еще лучше.

Когда он направился к томимому жаждой клиенту, я бросила взгляд на свою неоновую свинью. Покупая ее, я думала о Серафе Ашере и не сдерживала ухмылки, когда Леон распаковал крылатую свинью и прибил ее к стене. Мой злой умысел лишил меня пера, но, черт возьми, оно того стоило.

Оставив маленькую копию архангела позади, я пробиралась сквозь плотную толпу студентов и завсегдатаев, подошвы моих ботинок прилипали к залитому пивом бетону. Сделав еще несколько шагов, я оказалась в ловушке двух девушек с поджатыми губами.

– Простите. – Я попыталась их обойти, но обе раскрыли крылья.

Боже.

Брюнетка с блестящими кудрями и голубыми перьями с золотистыми кончиками уперлась кулаками в бедра.

– Только что мой грешник с заячьей губой велел мне убираться прочь, и не очень любезно. Ты ведь ничего об этом не знаешь, Селеста?

Я предполагала, что в гильдиях висят мои плакаты, поскольку казалось, что каждый неоперенный, с кем я пересекалась в Нью-Йорке, будь то женщина или мужчина, уже слышали обо мне.

– Почему ты думаешь, что я могу что-то об этом знать? – Я посмотрела мимо них на светящийся знак выхода.

– Потому как он пробормотал, что покрывается с байкерской цыпочкой с черными когтями и плоской задницей по имени Селеста.

Что ж, это было грубо. Задница у меня имела, просто она маленькая, как и остальные части тела. И мои ногти не подстрижены под корень, но что в этом плохого?

– У меня даже нет байка. – Я сомневалась, что Мими одобрит его покупку.

– Думаю, он говорил о твоём внешнем виде. – Другая неоперенная окинула взглядом мои ботинки в стиле милитари и черные кожаные легинсы.

Я подняла средний палец и притворилась, что чешу им над верхней губой.

– Правда?

Она покраснела до самых корней светлых волос.

– У меня был план для него, – произнесла истинная.

– Прости, Блу², но ты ждешь, что я извинюсь за спасение невинной девушки от приема таблетки, благодаря которой ее, скорее всего, изнасиловал бы если не этот мужчина, то кто-то другой?

Девушка нахмурилась.

– Все, что ты сделала, это спровоцировала его.

– Он нападет снова. – Блондинка сложила свои красные крылья.

² Селеста назвала ее Блу из-за цвета перьев (англ. Blue – «синий»).

Как и у меня, на ее крыльях нет позолоты. Ее статус гибрида умерил мой язвительный тон, поскольку, как бы ни был ослеплен весь небесный мир, повязка с ее глаз в конце концов спадет и она поймет, что отсутствие блеска на перьях обречет ее на низшие ступени Элизиума. Лучшее, на что могли рассчитывать гибриды, – это должности в гильдиях в качестве офанимов – учителей – или в Элизиуме и Абаддоне в качестве Арелимов – небесных стражей. Веселье же доставалось только истинным: они могли стать Малахимами – сборщиками душ, Ишимами – оценщиками или Серафимами – *crème de la crème*³ среди ангелов, или, скорее, *crème de la shit*⁴.

– Селеста! – потрясенно воскликнула Блу.

Мой взгляд мгновенно заметался по комнате в поисках неприятностей. Не обнаружив никого, кто бы мчался на меня, я вернула свое внимание к девушке.

– Что?

– Ты потеряла перо.

Ах.

Это.

Я опустила взгляд на пушистое фиолетовое перышко, гадая, почему лишилась его. За ужасные мысли об архангелах или потому, что увела еще одного грешника у другой неоперенной? Честно говоря, удивительно, что сегодня упало только одно и что я не заметила резкого укола, который обычно сопровождает потерю пера.

Когда качающееся перо исчезло под парой туфель с ремешками на шпильках, я оглянулась на ангелов с широко распахнутыми глазами.

– Не первое. И не последнее.

Я уже давно перестала считать, но подозревала, что потеряла столько же, сколько и заработала, учитывая, что мои крылья – вернее крылышки – были почти такой же плотности, как и до Парижа.

Истинная скрестила руки на груди, обтянутой белым топом с бретельками, который придавал ей совершенно ангельский вид.

– Почему ты сдалась?

– С чего ты взяла, что я сдалась?

Мой юмор не приглянулся двум неоперенным, которые обменялись взглядами, а затем заговорили друг с другом.

Гибрид произнесла:

– У тебя всего триста двадцать пять... Ну, теперь уже четыре.

А истинная добавила:

– И осталось три месяца.

Несмотря на то, что меня разозлило, что они просматривали меня на голоранкере, я приятно удивилась этой цифре. Поскольку я сбрасывала перья, как линяющая курица, и не подписывалась ни на какие небесные миссии после Парижа, то полагала, что количество опустилось ниже сотни, но, очевидно, я ненароком совершила тонну добрых дел. Хотя мы не зарабатывали столько перьев на грешниках, когда не были на них подписаны, если нам удавалось помочь им измениться, даже в самой малой степени, мы получали перо за свою доброту.

– Ты не собираешься его поднять? – спросила гибрид.

– И вспомнить дни моей славы? Нет. Я из тех, кто живет в моменте.

Она удивленно уставилась на меня.

– Скажите мне вот что. Стала ли я предметом изучения в гильдии или же поучительной историей?

³ «Лучшие из лучших» (*фр.*).

⁴ «Лучшие из дерьма» (смесь *фр.* и *англ.*).

Истинная поморщилась, будто выпила фирменную текилу с кислым мармеладом от Джейса.

– Офанимы беспокоятся о тебе, Селеста. Особенно Офан Мира.

– Офан Мира? – Их слова вызвали у меня улыбку. Я очень сомневалась, что старейшину гильдии волнует судьба ее невзрачной ученицы. – Уверена, она опустошена моим отсутствием. Передайте ей мои наилучшие пожелания, ладно? – Когда я наконец прошла мимо девушек и поднялась по лестнице к выходу на улицу, в голове пронеслось число, которое они мне назвали.

Триста двадцать четыре. Не то чтобы у меня имелись намерения завершить крылья, но количество, необходимое для достижения тысячи, было настолько абсурдным, что я усмехнулась.

На выходе я послала Леону воздушный поцелуй, и он сделал вид, что поймал его и спрятал в карман, хотя был занят болтовней с симпатичной блондинкой – полагаю, сейчас они с Алисией в размолвке. Затем я подняла взгляд к черному, словно сталь, небу. Хотя оно и не было усыпано звездами, как в гильдии, я подумала, что это самое прекрасное зрелище.

Несовершенное и настоящее.

Приглушенное смогом и огнями вместо кварца и жимолости.

И шум. Вокруг так много шума. Никакой гармонии. Здесь нет ни радужнокрылых воробьев, щебечущих арии, ни кварцевых фонтанов, что льют кристально чистую воду на цветущие по ночам лилии. Только старые добрые гудящие желтые такси, болтающие студенты и оживленные пьяницы.

Я любила этот город за его несовершенство, потому что он отражал жизнь, которую выбрала я, а не ту, которую выбрали за меня.

Глава 2

На следующее утро я встретила с консультантом для обсуждения задания по уголовному праву, а после села в метро и отправилась в центр города, в пентхаус, который Мюриэль купила после того, как меня приняли в Колумбийский университет.

Хотя я ненавидела факт появления в моей жизни опекуна Джареда, я уже не могла представить своей жизни без нее.

Проснувшись в одиночестве в гостиничном номере в Париже, я помчалась в «Суд Демонов», где пробилась сквозь фургоны журналистов и полицейские заслоны. Я изо всех сил выкрикивала имя Лей и требовала поговорить с ней. Именно телохранитель Джареда, Амир, наконец услышал мои мольбы. Хотя он предупредил, чтобы я шла домой, я настаивала на встрече с Лей, и он впустил меня внутрь.

Прошло четыре с половиной года, а я все еще содрогалась от этих воспоминаний. Сколько еще должно миновать лет, чтобы я сумела вспоминать о Лей, не чувствуя при этом, как мое сердце вспарывают ножом для писем, которым она перерезала себе вены?

Я отмахнулась от мрачных воспоминаний и сосредоточилась на отдираании черного лака с ногтей, периодически поглядывая на пассажиров, которые казались бледными и болезненными из-за неудачного освещения в метро.

Мими ненавидела, что я пользуюсь общественным транспортом, но в час пик лучшего способа передвижения по городу просто не было.

Я вновь подумала о том, чтобы купить мотоцикл. Но сначала нужно получить права. Приостановив удаление лака с ногтей, я вытащила мобильный из матерчатой сумки и принялась изучать информацию о том, как получить права на мотоцикл, пока не вышла на залитый солнцем тротуар Пятой авеню.

Я медленно вдохнула воздух ранней осени. Бабье лето в Новой Англии всегда было моим любимым временем года – прохладный воздух, полный крошечных живых существ, полог листьев и трава, которая окрашивала Центральный парк в сочные зеленые оттенки. Именно этого сезона мне больше всего не хватало те два года, что я жила за границей.

Когда я подошла к подъезду жилого комплекса «Плаза», швейцары поприветствовали меня по имени. Я спросила одного из них о его дочери-подростке, а другого – о новорожденном внуке. Мими нечасто покидала стены квартиры – я следила за тем, чтобы все необходимое было у нее под рукой, – но когда она все-таки выходила, то задерживалась в холле и расспрашивала каждого о семьях. Хотя в ее жилах не течет ангельская кровь, Мими достойна крыльев больше, чем большинство жителей Элизима.

Определенно достойнее, чем моя биологическая мать, которая бросила меня в нью-йоркской гильдии, как только я покинула ее утробу, а затем переехала в другую резиденцию неоперенных. Будучи офанимом, она могла путешествовать между гильдиями, но так ни разу и не посетила меня, не воспользовалась голографическими телефонами, чтобы связаться со мной. И не присутствовала на церемонии вручения костей крыльев – ключевом моменте в жизни ангела, едва ли не более значимом, чем наше вознесение, поскольку в этот день мы наконец-то можем выйти из гильдий и начать накапливать наши драгоценные перышки. Однако к тому моменту я уже не заботилась о знакомстве с матерью, потому что у меня была Лей, и она восполняла мою потребность в привязанности.

А теперь у меня есть Мими.

Поднимаясь на лифте в пентхаус на двадцать первом этаже, который Мюриэль купила на деньги, оставленные Джаредом на ее имя, я вспоминала тот день, когда согласилась остаться с ней. Мне некуда было идти, я решила, что больше никогда не переступлю порог гильдии, но не хотела обременять Мими. Цвет ее лица мог соперничать с белым мраморным надгробием,

мимо которого мы проезжали по дороге с кладбища Монпарнас, где похоронили тела Лей и Джареда.

«Ждет ли тебя семья, Селеста?»

«Лей была моей единственной семьей».

«А Джаред — моей».

Так что я осталась, и мы стали друг для друга семьей. И наша выкованная горем связь превратилась в связь, порожденную любовью. Я обрела в лице Мюриэль мать, которая, как я думала, мне больше не нужна. В конце концов, мне уже исполнилось пятнадцать, и пять лет я ориентировалась в мире людей без особой помощи офанимов, которые считали нас самостоятельными с того дня, как у нас сформировались кости крыльев.

Мюриэль взяла на себя мое образование и наполнила мой разум знаниями, которым не учили в гильдиях. Больше всего, как ни странно, меня восхищала человеческая система правосудия. Я поглощала книги о ней, изучала лазейки, проглатывала истории о незаконном способе взыскания Адлерами, которыми делилась Мими, пока готовила на нашей просторной кухне. Когда мне исполнилось восемнадцать, я призналась, что мечтаю стать адвокатом или судьей, но для этого требовалось высшее образование, а у меня нет ни одного школьного аттестата.

Через неделю я получила три приглашения в колледжи.

«Я даже не знала, что колледжи высылают приглашения на учебу!»

Мими подарила мне мягкую улыбку, за которой скрывалось так много всего.

«Они этого не делают, да? Обычно, я имею в виду. Это все ты. Ты меня записала».

«Важно не то, как ты туда попадешь, а то, что ты сделаешь, когда окажешься там. — Она разрешила теплый бисквит, который я помогла ей испечь. — Так какой из колледжей вызывает у тебя симпатию?»

Пока она выкладывала два кусочка, я смотрела на все три бланка, мой взгляд задержался на приглашении Колумбийского университета. В итоге я решила, что Нью-Йорк слишком далек от Мими, и указала на письмо Сорбонны.

На следующий день Мюриэль вошла в мою спальню и протянула мне паспорт. Не имея ранее ничего подобного, я разглядывала его и долго водила пальцами по ее фамилии, напечатанной рядом с моим именем, — Моро.

Раньше я принадлежала расе, теперь я принадлежала семье.

Выудив из сумки ключ, я вошла в святилище из дымчато-серого дерева, черного гранита и бордового бархата, которое Мюриэль купила в тот же день, когда приобрела нам билеты на самолет. Мы могли бы жить в одноподъездном доме без лифта, и я была бы счастлива, потому что роскошь никогда не имела для меня значения. Тем не менее я оценила безопасность, которая сопровождала шикарный адрес. Хотя мало кто знал о связи Мими с семьей Адлеров, и одного человека достаточно, чтобы разрушить жизнь.

— Мими, я дома, — крикнула я, проходя через вестибюль и направляясь на кухню, ее обычное местопребывание. Я бросила куртку и сумку на один из высоких стульев, вымыла руки, схватила сэндвич с тарелки на плите и застонала, когда липкий сыр воспламенил мои вкусовые рецепторы. — Мими?

— Я здесь, Селеста.

Следуя за голосом, я прошла в гостиную, где в полуденном свете стояла она. Мими смотрела на раскинувшийся зеленый прямоугольник парка, что простирался почти до самой квартиры, которую я делила с Джейсом. Я закинула в рот остатки теплого сэндвича с ветчиной и сыром, а затем прижалась поцелуем к ее щеке. Ее кожа была ледяной, но я представила, как она провела утро за чтением на узком балконе — ее любимым занятием после готовки.

– *Ça va, ma chérie?*⁵ – Наедине мы всегда говорили по-французски, хотя английский она знала безупречно.

– *Oui*⁶.

Я частенько задавалась вопросом, не потеряю ли свою ангельскую способность говорить и понимать любой язык, когда утрачу крылья, но отбрасывала эти размышления, в основном потому, что мне некого было спросить. Кроме того, я узнаю об этом через три месяца.

Пока я болтала о своем новом задании и советах консультанта, Мими слушала меня с восторженным вниманием и подкрепляла мой стремительный поток предложений своей привычной теплой улыбкой. Теплой улыбкой, как я заметила, без следа пунцовой помады.

Сэндвич в моем желудке резко стал чем-то тяжелым.

– Что-то не так.

– Не так? – Ее тон казался неправильным, как и внешний вид.

Мое сердце на удивление сохраняло спокойствие.

– В чем дело? Тебе нужно вернуться в Париж? Что-то случилось с Амиром?

Телохранитель Джареда – единственный человек, с кем Мими поддерживала связь. Он остался во Франции – уехал в Ниццу после того, как «Суд Демонов» закрыли и превратили в приют для обездоленных детей.

– Амир в порядке, Селеста.

– Тогда что не так? – Я отчеканивала каждое слово, чтобы не дать голосу дрогнуть. – Мими, что...

– Рак.

– Рак? – тупо повторила я.

– Ужасная вещь, рак.

Сыр и ветчина застряли у меня в горле.

– Ужасная, но излечимая. – Я тяжело сглотнула, проталкивая комок дальше. – Правда?

– Селеста...

– Правда? – Когда она не ответила, я ощутила давление в висках. – Мими? – Ее имя дрожало на моих устах.

– Я боролась. Боролась изо всех сил, но рак оказался сильнее.

Я замерла. Нет. Нет. Нет. Этого не может быть.

– Весь этот сон урывками. Твой сниженный аппетит. Ты сказала, что просто... – Что она говорила? О, ангелы, я не могла вспомнить, но у нее всегда имелось оправдание. – Как давно... Как давно ты, – я откинула с лица прядь волос, – знаешь? – Я моргнула несколько раз, но контуры ее лица продолжали подрагивать.

– Шесть месяцев.

– Шесть месяцев! – Я задохнулась. Казалось, Мими взбивает мое сердце одним из своих венчиков. – Почему ты... Почему ты не сказала мне?

– Потому что надеялась одержать победу, прежде чем обременять тебя этим.

– Обременять меня? – Слова просочились сквозь огромный комок в моем горле. – Ох, Мими.

Ее изящный палец, вечно пахнущий маслом и средством для мытья посуды, погладил мою скулу.

– Должно быть... ты делала химиотерапию? Химиотерапия помогает. Или операция. Кто твой врач? – Я достала телефон и попыталась набрать в поисковике «Лучшие онкологи», но телефон выскользнул у меня из рук и упал на плотный ковер.

Она обхватила мои щеки обеими ладонями.

⁵ «Все хорошо, дорогая?» (*фр.*)

⁶ «Да» (*фр.*).

– Метастазы уже поразили печень, Селеста.

– Что это значит?

– Что скоро мне придется тебя покинуть.

– Неужели нет ничего... Никакого лечения... нет?.. – Слезы хлынули из меня и собрались вокруг мозолистых пальцев, которые сжимали мое лицо так, будто я сделана из стекла.

Она покачала головой.

– Но ты уже выросла и...

– Ты все еще нужна мне! Ты всегда будешь мне нужна!

– *Ma chérie*.

– Пожалуйста. Должно быть что-то, Мюриэль... Пожалуйста. – Я даже не была уверена, кого умоляю – эту женщину или ангелов наверху? Я уставилась на безоблачный голубой простор за окном эркера, гадая, наблюдает ли за мной ангел. – Пожалуйста. – Рыдания вырвались из моего горла, всколыхнув каштановые с серебристыми прожилками локоны, обрамлявшие лицо Мими. Ее волосы всегда так аккуратно уложены, но не сегодня.

– Мне пора отправиться к моему Джареду. Он, наверное, натворил на небесах столько бед, что даже Лей не в состоянии с ними справиться.

Джаред не на небесах. Его нет даже в аду. Ему и Лей отказано и в той, и в другой обители. И скоро Мими узнает об этом, потому что эта женщина, эта невероятная и самоотверженная сила природы, несомненно, окажется в Элизиуме.

Впервые с тех пор, как потеряла Лей, я пожалела, что моя душа обречена на забвение. Но уже слишком поздно. Я никак не сумею заработать более шестисот перьев за три месяца.

– Как скоро?.. – прошептала я, хотя мне хотелось реветь от душевной боли и скепсиса по поводу медицинской квалификации специалистов, которых она посетила. Они не могли принести никакой пользы, раз не нашли лекарство.

– Неделя, возможно, две. Врачи – отвратительно пессимистичные люди.

Дни? У меня оставались считанные дни рядом с ней?

Мои слезы полились быстрее.

Мое сердце разрывалось.

Чем я заслужила такую участь? Неужели это из-за того, что я проявила неуважение к серафимам? Или потому, что подняла голос против архаичных законов моего народа? Или же по той причине, что я от них отвернулась?

Мои легкие будто упаковали в вакуум, теперь они не в силах расшириться и принять воздух. Я задыхалась между рыданиями.

– Я все устроила, Селеста. Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. И хотя мне бы хотелось, чтобы мой прах покоился рядом с прахом Джареда, заberi его, когда будешь готова.

Из меня вырвался еще один всхлип. Мими обвила руками мою сгорбленную фигуру и притянула к себе с такой силой, что я не могла представить, что ее тело терзает болезнь.

Я не позволю ей умереть.

Не позволю малахимах украсть ее у меня.

Я найду выход.

Должна найти выход.

Я припаду к ногам Семерых и буду умолять сохранить ей жизнь, потому что эта женщина – все, что у меня осталось в этом ужасно несправедливом мире.

Глава 3

После событий в Париже я поклялась больше никогда не переступать порог гильдии, но, как только Мюриэль улеглась вздремнуть, я взяла такси до кварцевого общежития. Увидев невзрачную зеленую дверь, я преисполнилась таким гневом, что чуть не развернулась на месте, но в конце концов я сдержала свою мстительность, расправила плечи и повернула ручку.

Удивительно, но дверь щелкнула.

Полагаю, что, пока у меня еще есть перья, офанамы не могут официально закрыть мне доступ.

В гильдии постоянно кипит жизнь, но ближе к вечеру она достигает пика. Атриум с буйной жимолостью, семью кварцевыми фонтанами и стеклянным куполообразным потолком кишел крылатыми девушками и полнился трелью воробьев. Сладкий цветочный аромат просочился в мои легкие точно клей, когда толпа неоперенных расступалась вокруг меня, раскрыв рты. По мере того, как я продвигалась к потоку, мой план кричать до тех пор, пока я не потеряю голос или пока высший ангел не спустится по ослепительно яркому свету, только укреплялся.

– Неоперенная, ты вернулась домой.

Я остановилась перед офаном Мирой, которая расправила багряные крылья, словно желая помешать мне добраться до места назначения. Домой? Тот факт, что она решила, будто я воспринимаю гильдию как дом, заставил меня задуматься, не считает ли она меня сумасшедшей.

– Нет, офан. Я пришла призвать серафима.

Офан Мира склонила голову набок, ее короткие перечно-черные волосы упали на узкие плечи.

– Серафимы – народ занятой. Чем я могу тебе помочь?

– Вы можете вылечить рак, офан?

– Нет.

– Тогда вы не в силах мне помочь. – Я попыталась пройти мимо нее, но женщина с копной светлых волос, доходивших до основания крыльев, встала рядом с офан Мирой и преградила мне путь.

Поскольку я никогда не встречала ее раньше, а ее крылья были такими же густыми, как у моего старого профессора, я решила, что она новобранец Гильдии 24.

– Вы пытаетесь удержать меня от потока? – любезно спросила я, хотя мне было совсем не до любезностей.

– Рак – естественное явление, Селеста. Необходимое. Когда души устают жить...

– Естественное? Это болезнь! Мутация клеток! Нет ничего естественного...

– Успокойся, неоперенная.

Я стиснула зубы и сжала кулаки. Как она смеет говорить мне успокоиться! Это не ее сердце разбито.

Мои ноздри раздувались, будто я пробежала все три мили от «Плазы» до этого места, которое являлось для меня таким же домом, как мусорный бак за закуской на углу.

– Я прошу аудиенции у серафима.

– Чтобы обсудить рак? Неоперенная, неужели ты ничему не научилась за годы, проведенные под моей опекой? Мы не вмешиваемся в человеческое время. Мы не хранители жизней. Мы хранители душ. Если у этого человека рак, значит, время его оболочки подходит к концу, а душа – если она достойна – будет собрана и вознаграждена.

– Ей всего шестьдесят! – Мой голос задрожал, словно полностью оперенные крылья.

– Шесть десятилетий – достойная продолжительность жизни.

Раздражение грозило заставить меня скрежетать зубами. Шестьдесят – слишком мало.

– Мюриэль должно быть отпущено еще как минимум два десятилетия!

– Успокойся, Селеста. – То, что офан Мира использовала мое имя, заставило меня недово-
ленно моргнуть. Она так редко обращалась к нам по именам.

Мой взгляд пробежался по кварцу с огненными прожилками в поисках плакатов с моим
лицом, но стены коридора были гладкими, без единого украшения. Ни листовки «РАЗЫСКИ-
ВАЕТСЯ», ни бунтарской лозы жимолости.

Она подняла руку к моим подрагивающим плечам. Я отступила на шаг, поскольку нена-
видела, когда ко мне прикасались без моего согласия.

– Я передам твоё недовольство Семерым...

– Недовольство? – фыркнула я.

– ...но я не позволю тебе и дальше устраивать спектакль в моих коридорах. Если хочешь
подождать ответа серафимов здесь, пожалуйста, пройди в столовую, а я или офан Лия, – она
 жестом указала на новобранца, – придем за тобой, когда получим ответ.

– Я просто должна верить, что вы передадите мое сообщение?

Мира вскинула тонкие брови.

– Верить? Ох, Неоперенная, до какой же степени ты оторвалась от своей расы, если
начала сомневаться в единственной ценности, которую мы ставим превыше всего, – в чест-
ности.

Мои вечно страдающие крылья могут подтвердить, что это их главный приоритет.

– Как жаль, что сострадание вы не цените столь же высоко. – Мои крылья пронзила
искра боли. Мне не требовалось опускать взгляд, дабы понять, что от моих дурацких придат-
ков только что оторвалось очередное перо.

– Наш род не виноват в чем-то личном выборе.

– В чем-то? Лей не была просто «кем-то». И какой у нее оставался выбор?

– Селеста, сейчас же в столовую, или я не передам твоё сообщение. – Глаза офана Миры,
казалось, светились сродни кварцу вокруг нас. – Ты помнишь, где это, или хочешь, чтобы офан
Лия проводила тебя?

Без крика – в тот момент у меня уже не осталось слов – я крутанулась на месте, и любо-
пытные неоперенные, которые разглядывали нас и ловили каждое слово, расступились. Мой
пульс сильно участился, пока я неслась по коридору в огромный кварцевый двор с подвешен-
ными клумбами. Я всегда думала, что над гильдией сияет райское небо, но непоколебимая
синева оказалась иллюзией, как и небесный дождь, который орошал посевы через стратегиче-
ски расположенные отверстия в стеклянном куполе. Ангелы – настоящие эксперты в обмане.

Я села за каплевидный кварцевый стол, частично скрытый фиговым деревом, которое
плодоносило круглый год. Неоперенные предпочитали столики, расположенные ближе к квар-
цевой плите, где постоянно представлены теплые зерна и рыба на пару, охлажденные соки в
стеклянных кувшинах и пирамиды изумрудных яств. Аромат моего детства перевернул мой и
без того расстроенный желудок.

В ожидании я то скрещивала, то выпрямляла ноги, покачивала ими, глядя на тех немно-
гих неоперенных, которые имели наглость смотреть в ответ. В конце концов все они отводили
свои любопытные взгляды. Устав от переглядываний, я достала телефон и отправила Мюри-
эль сообщение: написала, что у меня появились дела, и попросила позвонить мне, когда она
проснется. А потом я открыла браузер. Единственное слово, которое я успела набрать ранее,
дразняще мигало в строке поиска: «Лучший». В довершение всего поисковая система пред-
ложила мне выпадающий список наиболее подходящих вариантов – лучший фильм, лучший
китайский ресторан, лучший отель на Манхэттене, лучшие тренажерные залы.

Чертовы тренажерные залы? Я никогда не занималась спортом. Ненавидела это. Всей
душой.

– Привет. – Мягкий голос отвлек мое внимание от телефона.

Я подняла взгляд на его обладательницу, златовласую малышку с толстой косой и карими глазами. Когда девочка забралась на стул рядом со мной, поджав под себя маленькие ножки для опоры, я резко спросила:

– Что ты делаешь?

Вместо того чтобы округлиться и наполниться слезами, ее глаза сохранили мягкость, и она улыбнулась.

– Ты выглядишь грустной.

Я осмотрела двор, подозревая, что это какая-то подстава и офанимы пытаются задобрить меня, прислав посланника-херувимчика, но в столовой не было учителей, а большинство неоперенных уже ушли.

– Я Найя.

Я отложила телефон.

– Разве ты не должна быть с офаном Пиппой, Найя?

Девочка сморщила носик-пуговку.

– Она рассказывает историю о монстрах. Не люблю монстров.

– В мире их полно, так что лучше привыкай.

– Ты когда-нибудь встречала монстра?

Я подумала о Тристане. А потом об Ашере. Разные виды монстров, но оба чудовищные. А потом, как обычно, мои крылья лишились пера.

– Да.

Она моргнула, глядя на меня широко распахнутыми глазами.

– Они действительно так страшно выглядят?

– Нет. Большинство выглядят, как ты и я.

– Ты не похожа на монстра.

– Уверена, офанимы с тобой не согласятся.

– Почему?

– Потому что... – С чего бы начать? – Потому что, во-первых, я решила жить среди людей.

Найя закусила нижнюю губу, словно размышляя, почему это делает меня злодеем.

– Мой любимый цвет – цвет крыльев моего *ара*. – Или нет. – А какой твой любимый цвет?

Я снова устроилась на своем стуле. Дети любознательны и со скоростью света устанавливают связи между разрозненными темами. Очевидно, я сводила Лей с ума своим нелинейным мышлением.

– Черный. Черный – мой любимый цвет.

– Черный – это не цвет.

Я указала на свои кожаные легинсы и черную футболку с белой надписью «Мала ростом, но не самомнением» – подарок Джейса на мой двадцатый день рождения в прошлом месяце.

– Позволю себе не согласиться. Черный – это цвет.

– Черный – отсутствие света.

Я нахмурилась, но не из-за ее слов... Технически мне известно, что черный не является цветом, но я удивилась, что кто-то столь юный об этом знает.

– Еще мне нравится фиолетовый. – Найя устремила взгляд на темнеющее небо. – Фиолетовый. Не лавандовый.

– Тогда тебе бы понравились мои крылья.

– Можно мне их увидеть?

Я скрывала скудное оперение, презирая то, как оно выглядело и что собой представляло. Только раз в год, 19 декабря – в годовщину церемонии вручения костей крыльев, – я позволяла своим фиолетовым перьям с оттенком электро раскрыться у меня за спиной.

– Нет. – На мой резкий ответ малышка поджала губы, но не спрыгнула со стула. – Сколько тебе лет, Найя?

– Четыре с половиной. А тебе?

– Двадцать.

– Моему *ара* сто сорок три.

Найя – настоящая папина дочка... Я чуть было не спросила ее о маме, но решила, что меня это не касается. Да и мне все равно. Вряд ли я когда-нибудь снова увижу этого ребенка.

– Почему ты грустишь?

Я моргнула. Мне казалось, что я выгляжу сердитой. Я несколько раз прокрутила в руке телефон, прежде чем ответить.

– Потому что кое-кто, кого я люблю, умирает.

Девочка нахмурилась.

– Смерть – это не конец.

Я и забыла, как рано начиналось промывание мозгов.

– Для некоторых людей конец.

– Этот человек, которого ты любишь, он плохой?

– Нет. Он необыкновенный. – Комок у меня в горле снова начал увеличиваться.

– Тогда почему ты грустишь?

– Потому что не хочу, чтобы она умирала.

– Но ты увидишь ее снова. – Она указала пухлым пальчиком на небо. – В Элизиуме.

– Не увижу.

Найя нахмурилась так сильно, что казалось, будто она украла несколько морщин со лба офана Миры.

– Но у тебя есть крылья.

– Есть, но я не успею завершить их вовремя. Ты знаешь, что происходит, когда не успеваешь собрать нужное количество перьев?

Не задумываясь, Найя ответила:

– Ты становишься нефилимом.

– Бинго. Худшим видом монстров.

– Нефилимы не монстры.

От удивления я вскинула голову.

– Я... согласна. – И наклонилась вперед. – Но не произноси подобное здесь слишком громко. Кажется, мы единственные, кто разделяет это убеждение.

– Мне нравится делиться с тобой, Селеста.

Мое сердце медленно, болезненно сжалось, но затем замерло.

– Я не говорила тебе своего имени. Откуда ты его знаешь?

Девочка прикусила внутреннюю сторону щеки, будто погрузившись в глубокую задумчивость, а затем на ее лице расплылась огромная ухмылка.

– Моя голова сказала мне это.

Ее голова? Я уставилась на малышку, пока до меня не дошло, что она имела в виду. Должно быть, ранее она слышала крики офана Миры. Камень доносил звук, как туннель доносит ветер.

Говоря об ангеле... Офан Мира обошла вокруг фигового дерева.

– Неоперенная, сера... – Ее губы замерли при виде моей соседки по столу. – Неоперенная Найя, что, по-твоему, ты здесь делаешь?

– Я проводила время со своей подругой. – Найя сцепила руки на кварцевой столешнице, будто вела деловые переговоры.

Я улыбнулась тому, что она не дрогнула и не стушевалась.

– Твоей... подругой?

Разве не грубо, Офан? Неужели я не достойна друзей?

Найя заерзала на стуле.

– Мы с Селестой друзья.

– Как... чудесно. – Поскольку перья Миры теперь намертво прикреплены к костям, ни одно не упало. Будь она неоперенной, эта ложь стоила бы ей пера. – Однако пора спать. Пожалуйста, пройди в общежитие. Офан Пиппа тебя ждет.

Из маленькой груди Найи вырвался тяжелый вздох.

– Хорошо. – Она соскочила со стула и совершенно неожиданно обняла меня, сминая ткань бомбера. – Пока, Селеста.

– Пока, Найя. – Меня настолько ошеломило ее проявление привязанности, что я не обняла ее в ответ.

Обогнув стол и подойдя к офану Мире, девочка посмотрела на меня и спросила:

– Ты вернешься и поиграешь со мной?

Нет. Мне следовало сказать «нет».

– Я... Я... – Одного взгляда на лицо Миры хватило, чтобы заставить мой здравый смысл вернуться. – Вероятно, нет.

Я пришла по одной и только одной причине: помочь Мими. Если ангелы окажутся неспособными или не пожелают помочь мне, у меня не будет поводов посещать гильдии, тем более завязывать отношения с молодыми неоперенными, которых я не увижу долгие годы, поскольку до появления костей крыльев детям Элизиума не разрешалось покидать гильдии, их тела были такими же хрупкими и смертными, как у людей.

Ее нижняя губа задрожала.

– Но мы же друзья.

– Неоперенная Найя, – Мира выделила имя маленькой девочки, – тебе пора идти.

Найя моргнула, глядя на офанима, но затем вернула свой уязвленный взгляд ко мне. Слезы текли по ее щекам, сверкая, точно дробленные бриллианты. Она вытерла их, а затем развернулась и убежала, заставив мое сердце стать хрупким, как засохший лепесток.

Мира следила за покачивающимися золотистыми волосами Найи, пока та не скрылась в коридоре, ведущем к детским общежитиям.

– Она очень... эмоциональная малышка.

Еще один недостаток нашего мира: ангелы восхваляли сочувствие и в то же время выступали за эмоциональную отстраненность. Лей была слишком сострадательна к своим грешникам.

– Проявление эмоциональности – это не недостаток, офан.

– Разве я сказала обратное? – Будь мои крылья расправлены, ее холодный тон покрыл бы их слоем льда.

– Итак, могут ли серафимы помочь мне, офан?

– Нет. Но они настоятельно советуют тебе посетить Зал Оценки и проверить ее счет, а также просили напомнить тебе, чтобы ты помогла ей не ставить под угрозу естественную смерть.

Я фыркнула.

– Я не собираюсь помогать ей совершить самоубийство.

– Я никогда не говорила, что ты станешь делать подобное. – Но она думала об этом. Я могла видеть это в мириадах неглубоких борозд, которые пересекали ее многовековую кожу. – Возможно, тебе стоит проверить и свой счет.

Я вскочила так резко, что стул закрипел по кварцу.

– Мне он известен.

– Известен?

– Да. Известен.

– Могу я узнать твои планы?

– Проживать каждый день так, будто он последний, потому что один из них рано или поздно станет таковым. – Подойдя к ней, я остановилась, чтобы сорвать инжир с ветки, а затем вгрызлась в него. Безупречно спелый. Так и подмывало выплюнуть. Но я заставила себя проглотить.

– Селеста... – Офан подняла на меня настороженный взгляд.

Я почувствовала, что она хочет сказать мне не растрчивать впустую дар, преподнесенный ангелами. Но в конце концов она не добавила к моему имени ни единого слова.

– Прощайте, офан.

Прежде чем уйти, я прошла через изогнутые раздвижные стеклянные двери Зала Оценки и села за длинную стойку, которая опоясывала круглую комнату. Затем я прижала ладонь к стеклянной панели, чтобы включить голоранкер, а затем нашла в базе Мюриэль Моро. На экране появилось ее трехмерное лицо, настолько невероятно реалистичное, что казалось, будто она сидит напротив меня. Ее губы поджались, затем расправились, и сияющие темно-синие глаза встретились с моими, посылая волны нежности.

Я пролистала ее анкету, пока не увидела счет. Только тогда я выдохнула то напряжение, что зародилось в столовой: 7.

С небесной точки зрения, это невероятный результат. Душа Мими, после того как ее соберут, будет доставлена в Элизиум. Там ей предоставят выбор: остаться в Элизиуме навсегда или вернуться на землю в новом теле на еще одну жизнь. На мой взгляд, душа Мюриэль безупречна и не заслуживает даже единицы, но мои представления о добре и зле сильно разнятся со взглядами ишимов.

Я вытянула шею к небу за куполообразным стеклом с фальшивыми оранжевыми и розовыми прожилками. Элизиум не заслуживал кого-то вроде Мими.

Она, вероятно, не останется. Как только поймет, что Джареда и Лей там нет. Мне хотелось бы как-то подготовить ее к разочарованию, но нам не разрешалось говорить об Элизиуме с людьми. И хотя ангелы считали меня безрассудной и недостойной, этот закон я, как ни странно, уважала.

Я вернула взгляд к единственной цифре, плавающей под лицом, которое я знала лучше, чем собственное, и мой пульс забился в ушах, заглушая все остальные звуки. Однажды этого лица не станет. Этот профиль исчезнет. Женщина, которую я успела полюбить, уйдет.

В ушах все еще звенело, и я проверила, что стоило Мими семи баллов: отцеубийство.

Моя нога перестала подергиваться. Сердце замерло. Мими убила своего отца?

Пару мгновений я сидела ошеломленная, а затем каждый звук в круглой комнате зазвучал громче, перекрывая тишину. Если она убила его, значит, он это заслужил. Я никогда не лезла в ее жизнь, как и она никогда не лезла в мою. Несмотря на то, что наше прошлое сформировало наши личности, никто из нас не позволял ему влиять на наши взаимоотношения. Я достаточно уважала Мими, чтобы соблюдать негласное соглашение и позволить истории о ее грехе раствориться в эфире вместе с ее телом.

Я осторожно прижала ладонь к стеклянной панели, закрепляя Мими за собой, чтобы с этого момента ни один неоперенный ее не побеспокоил. Как только над ее мерцающим портретом большими печатными буквами появилось «ПРИСВОЕНА СЕЛЕСТЕ ИЗ ГИЛЬДИИ 24», я выключила голоранкер и покинула гильдию раз и навсегда.

Глава 4

– И что случилось потом? – спросила я, засунув руки под подушку.

Последние два дня Мюриэль развлекала меня историями о своем прошлом. Некоторые из них я уже слышала, но не эту. Когда мы лежали на ее двуспальной кровати, а часы на тумбочке показывали время светящимися красными цифрами – четыре часа утра, – ее холодные пальцы скользили по моим волосам. Со вчерашнего дня Мими не вставала, но винила в своей вялости недостаток сна, и да, мы мало спали, по крайней мере я. Она же часто дремала, иногда посреди наших разговоров.

Эгоистично, но я хотела, чтобы она не спала. Я жаждала сохранить с ней как можно больше моментов, чтобы в ближайшие месяцы к ним возвращаться. Уже однажды пережив душевную боль, я знала, что первый год будет самым трудным.

– Так что же сделал Пьер?

Ее губы, такие бледные без помады, задумчиво изогнулись.

– Он отвел меня в тир. Научил обращаться со всем, от пистолетов до винтовок.

Я закатила глаза.

– Как романтично.

Мими повернула голову и открыла глаза.

– Это спасло меня, Селеста.

– Спасло?

Ее рука замерла в моих длинных каштановых волосах.

– От моего отца.

Мои зубы заскрежетали. Я обещала не вмешиваться, но вопрос вырвался сам собой.

– Как он тебя обидел?

– Так, как могут обидеть только мужчины, которым не хватает самообладания и морали.

Я никогда не выбирала никого со счетом выше сорока, но грех мне не чужд. То, что я не выбирала их, не означало, что я не изучила анкеты и преступления, которые они совершили, дабы заработать свои баллы. Жестокие преступления. Неискупимые. Вот истинная причина, по которой я держалась в стороне, не считая их достойными. Они были монстрами, более ужасными, чем те, что населяли истории офана Пиппы.

Мои мысли вернулись к Найе. Я подумала, как однажды ей придется иметь дело с подобными грешниками, решать, заслуживают ли они второго шанса и станет ли она той, кто дарует его им. Обычно самых опасных, особенно мужчин, оставляли неоперенным мужского пола, но некоторые девушки тоже брались за них. Лей так и поступила.

Вот только Джаред оказался не столь ужасен, потому что заработал свой трехзначный счет из-за ошибки мужчины, который вдохновил меня на покупку неоновой свиньи с крыльями.

– Твой отец еще жив?

– Нет, *ma chérie*.

– Как он... умер?

– Безболезненно. К сожалению. – Ее внимание переключилось на жемчужно-серый потолок. – Я слишком хорошо прицелилась.

– Мне так жаль, Мими.

– О чем ты сожалеешь?

– О том, что ты пострадала от руки того, кто должен был тебя любить.

– Хм-м. – Она провела рукой по мягкому одеялу. – А мне не жаль. Будь отец добряком, я бы не встретила Пьера. Не встретить я его, не научилась бы стрелять. А если бы не научилась обращаться с оружием, Исаак Адлер никогда бы не нанял меня, и я не смогла бы вырастить

Джареда, а потом и тебя. – Она провела костяшками пальцев по моей щеке. – Я верю, что все происходит по какой-то причине. Даже ужасные вещи. – Мими приняла мое молчание за непонимание, потому как добавила: – То, что не уничтожит, изменит тебя. Помни об этом, Селеста. Помни, что тот же самый огонь, который обращает песок в стекло, способен обратить бревна в пепел.

Если только это не ангельский огонь. Ангельский огонь обращал материю в ничто. Он сжигал крылья и уничтожал души.

Я перекатилась на спину.

– Не люблю огонь.

– Жизнь без огня была бы холодной и тоскливой, *ma chérie*. – Мими провела по одной из фиолетовых дуг, окаймляющих мои глаза, – отсутствие сна сказалось на моей внешности, наградив меня темными кругами. – Теперь поспи немного, а утром мы приготовим блинчики, чтобы я могла продемонстрировать чудеса огня. Если только ты не предпочтешь есть сырое тесто.

Я искоса взглянула на нее, ответив на слабую улыбку.

– Можешь рассказать мне больше о Пьере? Что с ним случилось?

– Он был в составе иностранных легионов.

– И?

– Закрой глаза, и я расскажу тебе историю о том, с чего мы с Пьером начали, а затем и о том, чем все закончилось.

Закончилось. Как я ненавидела это слово.

Я заставила себя сомкнуть веки, когда Мими начала свой рассказ. Казалось, мой разум заключил тайный сговор с сердцем, не желая слышать концовку, и отключился, пока Мюриэль и Пьер все еще были счастливы вместе.

* * *

Вздрыгнув, я резко проснулась, когда по краям плотного бордового дамаста забрезжил рассвет, проклиная себя за то, что упустила драгоценное время с Мими. Протерев глаза от остатков сна, я перевернулась.

Когда мой взгляд встретился со взглядом, который я не видела много лет и который, как я надеялась, больше никогда не увижу, я села.

Прибытие серафима означало только одно: Мими больше нет.

Глава 5

– Нет! – Я подползла к Мюриэль, не обращая внимания на Серафа Ашера.

Ее лицо было гладким, без боли и меланхолии, которые она носила в себе десятилетиями. Я прижалась к ее щеке.

– Ты оставила меня, даже не попрощавшись, – прохрипела я ей на ухо.

– Селеста... – Голос Ашера вернул меня в самое мрачное время моей жизни.

Я отстранилась от Мими, потирая ладонями щеки, которые становились мокрыми так быстро, что казалось, будто слезы вытекают прямо из пор.

– Ты, заткнись. – Я нахмурилась, когда кости крыльев напряглись и оторвали перо. – Мать пернатая. – Выругалась я, закрыв глаза, пока боль не утихла, а затем открыла веки и устремила взгляд на того, кто заставил мою подругу вознестись, а прежде и испепелить ее крылья.

Лей мертва из-за него.

– Не знала, что сбор душ входит в число обязанностей серафима. Разве у лидеров Элизиума нет занятий поважнее, чем переправлять души? – Моя спина напряглась, когда еще одно перо отделилось от костей.

– Я понимаю, тебе больно...

– Больно? Мне не больно. Я. В. Ярости, Сераф. – Мой голос едва превышал громкость шепота, но, должно быть, он оказался мощным, поскольку Ашер расправил широкие плечи и сложил руки, натягивая коричневую замшу на его торсе. – Сначала Лей, теперь Мюриэль. – Я взяла ее руку и прижала к щеке, умоляя ее пальцы погладить мою кожу в последний раз. – Ты не можешь вернуть ее? Знаю, что она не может жить вечно, но... – Мой голос сорвался. Дрогнул. Я сомкнула губы, прежде чем бушующий во мне всхлип смог разорвать жалкий воздух.

Ты обещала мне недели.

И блинчики. Ты обещала мне блинчики!

Мои слезы стекали по костяшкам пальцев Мими, смачивая мозоли, оставленные ее любимыми венчиками и деревянными ложками.

К кому мне теперь возвращаться домой по выходным?

Кому жаловаться в плохие дни? Или в хорошие?

Ох... *Мими*.

– Знаешь, Сераф, как только ее душа примет небесную форму Элизиума и поймет, что ты сделал, она тебя возненавидит. Вернее, что ты не сделал – не спас мальчика, которого она любила. Мальчика, чья душа не заслуживала забвения.

– Ты закончила? – Хотя контуры тела Ашера были размыты, его бирюзовые радужки, оттененные бронзой, оставались четкими.

– Тот день, когда я закончу обличать несправедливость, совершенную нашим видом, станет днем моей смерти, так что нет, я не закончила. Но однажды это произойдет. Может, через три месяца. Может, через семьдесят лет. Кто, во имя Абаддона, знает, когда это тело откажет? Когда смерть наконец заставит меня умолкнуть? Какой же праздник тогда устроят во всех гильдиях, а?

Челюсть Ашера сомкнулась, а его загорелые руки напряглись, все еще сложенные и прижатые к груди.

– Теперь ты закончила?

– Разве я не по-английски сказала? Ох, подожди... это же не имеет значения, поскольку ты свободно говоришь на всех языках. – Мои лопатки пронзила стрела боли. Упало еще одно перо.

– Селеста, прекрати.

– Почему? Я задеваю твои чувства, Сераф? Не думала, что они у тебя есть. – Ишимы снова ощипали меня, и я стиснула зубы, пока не поняла, что горячие болезненные вспышки заглушают боль в груди. Тогда я расслабилась и приветствовала ее.

Ашер низко и протяжно зарычал.

– Спорим, ты уже жалеешь, что вызвался забрать душу Мюриэль, а?

Его губы превратились в тонкую полоску, выделяя небольшие морщинки вокруг, как и те, что окаймляли его глаза. Ангелы не стареют ни в Элизиуме, ни в Абаддоне, а в гильдиях стареют крайне медленно, но Ашер, казалось, постарел лет на десять с тех пор, как я видела его в последний раз в Париже.

Я села на пятки и устремила на него ядовитый взгляд.

– Почему ты все равно прибыл сюда?

– Чтобы сдержать обещание, данное Лей. Которое мне не удалось выполнить.

– Какое обещание, Сераф?

– Помочь тебе.

– Мне? – Я чуть не рассмеялась. Нет. Рассмеялась. Но тут же перестала. – Надеюсь, не для того, чтобы помочь мне вознестись, потому что я в этом ни капли не заинтересована.

Мы уставились друг на друга. Если он думал, что я отведу взгляд первой, значит, он меня совсем не знал. С другой стороны, с чего бы ему меня знать? Не похоже, чтобы в прошлом мы проводили много времени вместе. Дольше всего мы находились в обществе друг друга в тот дождливый день, когда он забрал меня из «Суда Демонов», чтобы дать Джареду время и возможность объяснить, что он сделал с помощью Ашера.

В глубине души я знала, что в вынужденном вознесении Лей больше виноват Джаред, но Ашеру следовало отказаться вмешиваться. Согласившись отписать Лей от Джареда, он обрек ее на гибель. Неужели он сделал это в надежде, что вдали от возлюбленного она передумает и выйдет замуж за архангела?

Подумать только, я поощряла ее поиски благосклонности серафима. Мне следовало держать язык за зубами в тот день, когда он посетил гильдию. Мне не стоило ехать в Париж и подталкивать ее к выполнению миссии. Если бы я просто не вмешивалась в ее жизнь, то, возможно, Лей была бы сейчас в Элизиуме, а не под холодной землей.

Меня поразило, что в этом есть и моя вина.

Мое стремление к переменам обрекло Лей на гибель.

От этого осознания я выпустила руку Мими, она выскользнула из моей хватки и упала на теплое одеяло.

Мой желудок сжался от чувства вины, а горло наполнилось желчью. Я развернулась и вскочила с кровати, но, должно быть, задела одно из упавших перьев, потому что спальня тотчас исчезла, сменившись участком выжженной солнцем лужайки, огороженной деревянными кольями и проволокой.

— Нельзя морить собаку голодом, потому что ты на нее злишься. — Я погладила пухлого щенка ротвейлера между его висячими ушами и получила в ответ слюнявый поцелуй. — Он все еще малыш. И не понимает, что сделал не так.

Моника дернула за поводок.

— Это моя собака, а не твоя.

— Я не пытаюсь украсть его у тебя.

— Тогда какого черта ты здесь делаешь?

— Я здесь, чтобы напомнить, что тебе нужно быть с ним помягче.

— Он сторожевой пес. По крайней мере, так должно быть. Возможно, мне придется потребовать свои деньги обратно, если он будет продолжать лизать сопливых детей. Сколько тебе лет? Восемь?

Я сжала кулаки.

— Одиннадцать.

— Неважно. Ты ребенок. Ребенок, который действует мне на нервы, хотя я уже потратила их все на него. — Она кивнула в сторону пса.

— Как его зовут?

— Рэмбо.

— Хорошее имя для сторожевой собаки.

С минуту она смотрела на клубок черного меха, и я заметила привязанность в ее взгляде.

— Будем надеяться, что он его оправдает. Эй, Рэмбо, сидеть. Сейчас же.

Рэмбо не опустил на землю. Вместо этого он уставился на меня, а Моника тащила его маленькое тельце по траве. Я понимала ее потребность в сторожевой собаке. Тем более что она жила одна с младшей сестрой и матерью, но единственный способ заставить Рэмбо подчиняться — добавить немного тепла к ее авторитету.

— У тебя есть лакомства?

— Лакомства? Малышка, у меня едва хватает еды на себя и семью. У меня нет никаких угощений. К тому же он не сделал ничего, чтобы их заслужить.

Я покопалась в своем рюкзаке и достала батончик мюсли. Возможно, это не самый полезный корм для собак, но внутри нет шоколада, поэтому я предположила, *что он не так уж ужасен*.

— Можно мне кое-что попробовать?

Моника взглянула на меня, затем на шуршащую обертку. А потом, поскольку она не была злой, а просто устала и хотела поскорее все решить, вздохнула и согласилась.

— Если он нагадит, убирать будешь сама.

— Договорились. Можешь отстегнуть его?

Она приподняла проколотую черную бровь, но снова уступила. Как только Рэмбо освободился, он прыгнул ко мне, высунув язык.

Я отломила уголок батончика.

— Рэмбо, сидеть.

Собака прыгнула на меня, пытаясь достать еду, но я держала ее высоко.

— Сидеть, Рэмбо, и тогда получишь.

Он опустился на четвереньки и принялся лизать мне икры и лодыжки.

Я рассмеялась, потому как было щекотно.

— Рэмбо, сидеть.

Моника смотрела на меня, скрестив руки на темно-синей майке, которая вторила оттенку синяка на ее левом бицепсе. Я не знала, *как она его получила, но подозревала, что кто-то ей его поставил*.

Я присела и нажала указательным пальцем прямо над хвостом Рэмбо.

— Сидеть.

Собака села.

— Сиди.

Завиляв хвостом, он вскочил на лапы.

— Сидеть. — Я снова нажала, *и он сел*. На этот раз, когда я сказала «Сиди», Рэмбо остался на месте. Я скормила ему кусочек батончика, который он проглотил, даже не распробовав.

Я заставила его повторить эти две команды еще несколько раз, а затем передала Монике батончик мюсли и попросила ее сделать то же самое. Через час, когда солнце всю пекло нам головы, Рэмбо выполнял команды как профессионал.

Но самое приятное заключалось в другом: когда щенок лизнул пальцы ног Моника, она не стала ругать его, а присела и почесала малыша за ушами.

Она заработала одно из трех очков греха за плохое обращение с Рэмбо. Моя задача состояла в том, чтобы напомнить ей, что доброта, в отличие от жестокости, окупается с лихвой. Как только я получила свои три перышка, я потратила пособие на двухмесячный запас собачьего корма, прежде чем исчезнуть из их жизни.

Я вынырнула из воспоминаний, как ныряльщик, который слишком долго пробыл без воздуха. Ашер навис надо мной, сжимая пальцами мои бицепсы.

Несмотря на то, что он спас меня от падения лицом вниз, я прорычала:

– Убери от меня руки!

Его пальцы разжались, но он не отступил, как и не отвел взгляд. Быть может, он надеялся, что воспоминания, заключенные в стержне пера, сделают меня спокойнее и податливее?

Я прижала дрожащую руку к своему охваченному спазмами животу.

– Собери ее душу и убирайся.

Бронзовые кончики его бирюзовых перьев качнулись, когда Ашер повернулся и обогнул кровать.

Я бы не повернулась.

Не хотела смотреть, как он завладевает душой Мими и уносит ее прочь.

Но когда я села на пол и обхватила колени, мой взгляд наткнулся на зеркало в рамке, прислоненное к стене.

Я не хотела видеть.

Но я видела.

Видела все.

Видела, как Ашер приложил ладонь к груди Мими.

Видела, как золотые нити ее души поднялись из безжизненной оболочки и прилипли к его рукам. Как нежно он за них потянул. И теперь на его ладони лежала сверкающая сфера, цельная и мерцающая.

Мне хотелось вырвать душу Мими из его рук и заключить ее в кокон своих. Спрятать ее в шкатулку, которую она подарила мне на шестнадцатилетие. Мюриэль наполнила ее шестнадцатью кольцами, по одному за каждый год, который она пропустила. Мими смеялась, когда я отложила ложку, полную крем-брюле, чтобы надеть каждое кольцо. По-видимому, предполагалось, что носить их нужно отдельно. Я никогда этого не делала. Я держала их вместе.

Если бы только я могла так же сохранить вместе наши с ней души.

Взгляд Ашера встретился с моим в зеркале.

– Уходи, – пробормотала я.

Во мне бушевал яростный шторм, угрожая разрушить слабеющее достоинство.

Вместо того чтобы воспользоваться дверью, Ашер открыл окно, взмахнул крыльями и спрыгнул с балюстрады в предрассветное небо.

Глава 6

Спустя долгие часы я позвонила мистеру Олдерману, адвокату, с которым Мими поручила мне связаться. Он приехал и взял все заботы на себя, пока я сидела на диване как зомби, прижимая к груди подушку и безучастно глядя на медленный танец облаков за окнами эркера.

Поскольку Мими умерла дома, мистер Олдерман вызвал полицию, чтобы они могли засвидетельствовать смерть от естественных причин, а затем приехал коронер, чтобы забрать ее тело. Когда прибыла клининговая служба, я очнулась от транса и закричала, чтобы они убрались.

Мистер Олдерман попытался меня успокоить.

– Мисс Моро, Мюриэль попросила снять постельное белье, чтобы вам не пришлось...

– Я хочу, чтобы ничего не трогали, – прорычала я. – Ни простыни, ни ее одежду, ни зубную щетку. Ничего.

Будучи достаточно благоразумным, адвокат не стал со мной спорить.

– Хорошо. Как только вы будете готовы, просто позвоните мне, и я все устрою. – Он похлопал себя по бедрам, обтянутым серой шерстяной тканью. – И последнее. Ваш опекун сообщила мне о своем желании, чтобы ее прах захоронили в склепе семьи Адлер.

Я поджала губы, не желая обсуждать вопрос о похоронах, потому что захоронение навсегда заберет Мими. Не говоря уже о том, что это подразумевает поездку в Париж, к Лей, а к такому я еще не готова.

Перед уходом мистер Олдерман заставил меня подписать документы. Он сказал, что так я смогу получить в собственность счета и квартиру, но я вполне могла подписывать все в пользу случайных людей. У меня слишком болели глаза, чтобы вникать в юридические тонкости, а в глубине души я и вовсе не заботилась о материальных ценностях. Особенно о том, что принадлежало мафии.

Конечно, Мими объяснила, что деньги, которые оставил ей Джаред, ничем не запятнаны, что они заработаны на конюшнях его дяди, а все кровавые средства распределились между благотворительными организациями и ассоциациями, но могла ли я доверять словам Джареда? Хотя, в сущности, он и не был злым, но все равно управлял империей насилия и деспотизма. Как только приведу в порядок мысли и эмоции, я позвоню мистеру Олдерману, чтобы обсудить создание новых благотворительных организаций, потому что мне не нужны деньги Джареда Адлера, чистые или нет.

Я закончила расписываться на бумагах, и адвокат убрал их в модный кожаный портфель.

– Могу я сделать что-нибудь для вас перед отъездом, мисс Моро? Принести еду? Подвезти до вашей квартиры в кампусе?

Небо за окнами пентхауса окрасилось в цвет перванш⁷, запятнанный персиковым и золотым. Я уже собиралась позвать Мими – она так любила закаты, – когда вспомнила, что ее здесь больше нет, и мое сердце оборвалось.

– Мисс Моро? – Мистер Олдерман надел мокасины, такие блестящие, что в них отражалось его круглое лицо, напоминавшее жемчужину. – Могу я что-нибудь для вас сделать?

Я покачала головой и встала с дивана. Он протянул руку, вероятно, вообразив, что я собираюсь пожать ее, но я промчалась мимо и отперла дверь на террасу. Обхватив руками стеклянные перила, я взглянула на город, который обожала, хотя теперь в нем не осталось людей, делавших его особенным. Утиные пруды в Центральном парке блестели точно фольга,

⁷ *Перванши* – один из оттенков голубого цвета, «светло-голубой с розовато-сиреневой надцветкой», «бледно-голубой с сиреневым оттенком», «сложный сиренево-голубой», близок к цвету «гри-де-перль».

а кусты лиственных вязов и кленов дрожали над извилистыми цементными дорожками, по которым, подобно муравьям, бродили люди. Ни для одной души мир не перестал вращаться.

Когда все цвета смешались воедино, я свернулась клубочком на жестких подушках дивана на открытом воздухе и закрыла глаза, мурашки пробежали по моим голым рукам и части живота, выставленной напоказ между краем выцветшей футболки с надписью «Ведущий балагана» и эластичным поясом хлопковых леггинсов.

На мгновение я подумала о том, чтобы поесть и принять душ, но у меня не было желания делать ни то ни другое. Будь Мими здесь, она бы насильно накормила меня чем-нибудь вкусным, но ее здесь больше нет. Достигла ли она уже Элизиума? Узнала ли, что ее мальчик не попал в страну ангелов? Осознала ли, кто я такая?

Я подумала о мужчине, о котором она рассказывала мне прошлой ночью, о Пьере. Попал ли он в Элизиум? Я забыла спросить Ашера.

Ашера, который обещал Лей позаботиться обо мне.

Как непростительно.

Когда она попросила его об этом? После того как он забрал ее от мужчины, которого она любила, или когда он опалил ее крылья? И тут я подумала о перьях, которые потеряла сегодня утром. Остались ли они на смятом пододеяльнике или их случайно поглотил один из многочисленных посетителей?

В конце концов череда размышлений убаюкала меня, и мне приснились Рэмбо и Моника. Во сне они были неразлучны и не раз спасали друг друга на протяжении многих лет. Я проснулась с улыбкой, которая быстро угасла при виде темной, тихой квартиры.

Над городом забрезжил новый рассвет, освещая башни из стекла, кирпича и металла, побеждая монохромные оттенки сумерек. Я пыталась заснуть, не желая встречать новый день.

Аромат Мими исходил от мягких волокон кашемирового пледа, укрывавшего мои плечи. Он окутывал израненное сердце, как одна из лоз жимолости гильдии, мучительная и успокаивающая. Я закуталась в теплую ткань, с благодарностью принимая тепло, которое она дарило моей озябшей коже.

Но потом я рывком села, и плед упал к талии. Укрыл ли меня мистер Олдерман перед уходом? Он ушел последним, и ни у кого больше нет ключа от моей квартиры. Накинув плед на плечи, словно плащ, я поплелась обратно внутрь. Я ожидала тишины, но меня встретил отчетливый звук чего-то шипящего. Мое сердце заколотилось, когда я пересекла гостиную и помчалась по короткому коридору в сторону кухни. Неужели кто-то воскресил Мими? Возможно ли вообще такое?

Мои ноги в носках заскользили, когда я резко затормозила. А потом сердце упало, словно брошенный пенни.

– Как, во имя пера, ты сюда попал? И что именно, по-твоему, ты делаешь?

Ашер оглянулся на меня через плечо.

– Я приземлился на балконе, где ты спала, и готовлю тебе завтрак. – Он собрал волосы в пучок и сменил замшу на белую футболку и джинсы, что делало его образ другим. Чуть более... человечным. Но я все еще не желала его видеть.

– Я не голодна.

– Мюриэль предупреждала, что ты так скажешь.

Мое сердце совершило медленный пируэт.

– Т-ты говорил с ней?

– Совсем немного.

Как несправедливо. Хотя мне очень хотелось расспросить об их разговоре, я жаждала, чтобы Ашер ушел.

Он выложил яичницу, затем пододвинул тарелку ко мне.

– Тебе нужно поесть.

Пока он рылся в каждом ящике на кухне, вероятно, в поисках столовых приборов, я устала на желтый холмик яичницы, желудок крутило, как падающее перо.

Плед... Должно быть, это он укрыл меня им.

Я сбросила ткань на том же месте, где стояла, и отступила.

– Раз уж ты нашел дорогу внутрь, то, несомненно, сможешь найти и выход.

Я развернулась, снова прошла через гостиную и направилась к себе в комнату. Я захлопнула дверь, испытывая огромное удовлетворение от того, с какой силой дерево ударилось о раму и как пронзительно щелкнула задвижка в замочной пластине.

После обжигающего душа я растянулась на шелковых простынях и схватила мобильный телефон, включив его впервые с пятницы. У меня было несколько пропущенных звонков, все от Джейса. Я не стала прослушивать голосовую почту, поскольку он завалил мой экран текстовыми сообщениями.

ДЖЕЙС: Пицца уже в пути. Где ты?

ДЖЕЙС: Фильм или сериал?

ДЖЕЙС: Селеста?

ДЖЕЙС: Пицца уже здесь.

ДЖЕЙС: Я в одних боксерах. Тех кошмарных, с твоим прекрасным ликом.

ДЖЕЙС: Если скоро не вернешься домой, я съем все лишние баклажаны с твоей пиццы.

ДЖЕЙС: Селеста, ничего страшного, если ты забыла обо мне и у тебя появились другие планы, но напиши, чтобы я знал, что ты в безопасности.

ДЖЕЙС: Ладно, теперь я чертовски волнуюсь.

ДЖЕЙС: Пожалуйста, позвони мне.

ДЖЕЙС: Я собираюсь подать заявление о пропаже человека. Без шуток.

ДЖЕЙС: Селеста, черт возьми. Позвони мне!

Наконец я так и сделала. Он кричал на меня целых три минуты после того, как я сказала «привет». Когда Джейс избавился от стресса, я рассказала ему о Мими, потом попросила повторить вечернюю пиццу, но вспомнила, что сегодня вторник. По вторникам он работает. Он брал выходные только в воскресенье и понедельник.

Он велел мне замолчать и сказал, что найдет кого-нибудь на подмену, а потом спросил, не хочу ли я, чтобы он приехал в пентхаус, и, хотя у меня был соблазн пригласить его, я сказала «нет». Джейс – мой друг, лучший и единственный, но он никогда не встречал Мими и не переступал порог этой квартиры. По привычке я держала эту часть своей жизни в секрете, потому что мое прошлое не поддавалось легкому объяснению.

Закончив разговор, я отправила письмо консультанту, дабы объяснить свое отсутствие, затем посмотрела телевизор, задремала и проснулась под рекламу о выпадении волос. Я снова попыталась заснуть, но безуспешно, поэтому надела тонкий черный свитер, кожаные леггинсы, застегнула ботинки, провела щеткой по спутанным волосам, затем взяла телефон и вышла из спальни.

И замерла на пороге кухни.

Ашер, черт его побери, все еще был там. Он сидел на одном из высоких стульев и пил воду из прозрачного стакана. Или, возможно, водку. Раньше я думала, что алкоголь может стоять нам перьев, но потом узнала, что это чушь собачья. Мы могли пить, принимать наркотики и заниматься диким сексом, если только первые два пункта не выходили за разумные рамки, а последний совершался в уединении.

– Я поставил твою яичницу в духовку, чтобы не остыла.

Поджав губы, я направилась к холодильнику, открыла его и взяла бутылку воды.

– Селеста, пожалуйста, съешь что-нибудь. Если не хочешь яйца, я знаю, как приготовить несколько других блюд.

– Какую часть слова «уйди» ты не понял, Сераф?

Его ладони прижались к черному каменному острову.

– Великий Элизиум, ты так упряма.

– Неужели ты думал, что две смерти за последние четыре года сделают меня покладистой?

Его взгляд потяжелел, глаза все больше напоминали украшенные драгоценностями шарики, которые мы в детстве катали по полу гильдии.

– Если ты поешь, я уйду.

– Хм-м. Заманчиво. – Я открыла крышку и сделала большой глоток. – У меня есть идея получше. Я уйду, а ты можешь остаться и съесть яичницу. – Я схватила сумку со стула рядом с ним, натянула бомбер и достала мобильный телефон.

– Селеста! – Голос серафима прозвучал достаточно резко, чтобы заставить меня остановиться.

– Что?

– У тебя осталось меньше трех месяцев на завершение крыльев, и шестьсот семьдесят пять перьев. Нам нужно...

– Нам? – Я приподняла бровь. – Мы не команда, Сераф. Я – это я, а ты – это ты. Помеха.

Я ощутила себя крайне великодушной, не добавив кучу других описаний: отвратительный ангел с комплексом Бога, марионетка Элизиума, хуже Тройки.

Одна из этих мыслей стояла мне пера. Я сжала челюсть, когда оно оторвалось от костей, и щелкнула дверной ручкой, выходя на небольшую площадку, которая вела к нашему частному лифту.

– Кроме того, я не хочу возноситься, и, в отличие от Лей, никто не заставляет меня делать то, чего я не хочу. – На моих устах заиграла улыбка, когда лифт открылся, и я вошла внутрь. – Хотя я бы с удовольствием понаблюдала, как кто-нибудь попробует, – добавила я, когда Ашер появился в дверях.

– Куда ты направляешься?

– Домой. – Когда он вскинул брови, я осознала свою ошибку: он не знал о квартире в кампусе. Я нажала на кнопку и постучала носком ботинка, когда двери стали закрываться. Могут ли они двигаться еще медленнее?

Но рука распахнула их обратно, и вот уже Ашер снова стоял передо мной, его громадная фигура заняла все пространство дверного проема лифта.

– Домой?

Я выпятила грудь, пытаясь казаться больше и круче.

– В гильдию. Ой. – Ишим вырвал еще одно перо из моих невидимых крыльев.

Ашер наблюдал за его падением.

– Полагаю, твое место назначения не гильдия.

Я плотно сжала губы, предпочитая молчание дополнительной пытке. Лифт начал издавать низкий, крайне неприятный визг.

– Можешь, пожалуйста, отпустить дверь?

– Могу.

И он отпустил.

После того как вошел.

Я хмурилась всю дорогу вниз.

А потом сказала ему потеряться, за что получила такой взгляд, от которого зачесались кулаки. Ишими, должно быть, не поняли моих намерений, потому что не украли ни одного пера из крыльев.

После того как мы вышли из «Плазы» и пересекли парк, я сказала:

– Преследование стоит людям очков.

Один из его сине-зелено-бронзовых глаз крепко зажмурился.

– Хорошо, что я не человек.

Я остановилась и повернулась к Ашеру.

– Сераф, я безнадежный случай. Заявляю это добровольно и осознанно. Уверена, твоя совесть сейчас сильно давит на тебя, но я не заинтересована в спасении, так что, пожалуйста...

– Я слышал, что ты поступила в Колумбийский университет. Полагаю, живешь ты в кампусе.

Я прорычала:

– Разве я не очевидно дала понять...

– Мюриэль очень гордится твоей амбициозностью и ужасно переживает, что ты не окончишь учебу.

– С чего бы мне ее оканчивать?

Он склонил голову набок, и темно-золотой локон выпал из его кожаной резинки для волос.

– Потому что Мими...

– Ты не имеешь права так ее называть!

Каждый прохожий, будь то мужчина или женщина, уже таращился на Ашера, но мой повышенный голос привлек к нам еще больше внимания. Даже собаки на поводках склоняли головы перед серафимом и его чувством собственного ангельского превосходства.

ЧСВ в случае с Ашером превратилось в ЧСА.

– Мюриэль попросила направить тебя на истинный путь.

Я одарила его едкой улыбкой, продемонстрировав все свои прекрасные белые зубы.

– Элизиум больше не является для меня истинным путем.

Каждое перышко на крыльях, которые он не потрудился сдержать магией, дернулось.

– Селеста...

– Скажи мне, Сераф, она уже вlepила тебе пощечину за то, что ты сотворил с Джаредом и Лей?

Бронзовые кончики его перьев поглощали полуденное солнце и слепили меня своим светом.

– Джаред выбрал судьбу Лей, Селеста.

Если бы я обладала суперспособностями, трепещущий в моей груди гнев сравнял бы с землей все небоскребы в радиусе десяти миль.

– Обвинять других в своих ошибках – ребячество и неподобающее поведение для одного из Семи.

Сквозь крепко сжатую линию губ Ашера просочился рокот.

– Я скучаю по Мими. Она была всем для меня после того, как я потеряла Лей. Всем. Не представляю, где бы я оказалась сегодня, не приюти она меня. Но я знаю, что не могу и не стану жертвовать своими новыми мечтами ради прежних. Смерть Лей изменила меня. Изменила то, чего я хотела от жизни. Изменила мой взгляд на мир. – Я сглотнула, смачивая пересохшее горло. – Мими, вероятно, удостоила тебя разговором, потому что она зрелая и всепрощающая. Два качества, которыми я не обладаю.

– Очевидно.

Я не отреагировала на насмешку, поскольку сама навлекла ее на себя.

– Если у тебя есть хоть капля уважения ко мне, ты оставишь меня в покое. Однажды ты уже так поступил, поэтому я не сомневаюсь, что ты способен сделать это снова.

Я вздернула подбородок, побуждая Ашера принять мой вызов. Когда он этого не сделал, очевидно слишком сосредоточившись на скрежете зубов, я круто развернулась на каблуках и зашагала по тенистой вязовой аллее. Только добравшись до террасы Бетесда, я оглянулась через плечо.

Золотой мальчик Элизиума наконец-то исчез.

Глава 7

Когда я поднялась на четвертый этаж, у меня закружилась голова, а кожа покрылась испариной. Каждая косточка в теле болела, каждый мускул дрожал. Даже хлопать ресницами было больно. Я была в полном раздрае.

Я бросила сумку на потрепанный диван, который Джейс сохранил от предыдущих владельцев «Трэпа». Мне хотелось заменить это черное кожаное чудовище на что-то новое, но мое предложение встретили категорическим отказом. Джейс легко относился практически ко всему, кроме своего дивана. Поэтому, вписав свое имя в договор аренды рядом с его, первым же делом я отмыла изношенную вещь водой с белым уксусом, пока она не стала меньше пахнуть дохлой коровой, потной задницей и старым пивом.

Я не стала звать своего соседа, так как он на занятиях. Мне известно его расписание, поскольку оно почти идентично моему. Дверь его спальни в конце небольшого коридора была распахнута, открывая взору кровать, заправленную с военной точностью, жалюзи задернуты до самого верха, и ни одного носка или разбросанных по полу боксеров. Хотя он не пошел по стопам своего отца-военного, в отличие от Леона, Джейса воспитали приверженцем аккуратности, и это наложило отпечаток на его личность.

Неряхой меня не назовешь, но я определенно не заиклена на чистоте. Я часто оставляла футболку на спинке стула и везде бросала открытые учебники с пометками. Но с тех пор, как переехала, я сознательно старалась по утрам натягивать покрывало на подушки, складывать полотенца в нашей общей ванной и мыть грязную посуду вручную. А когда забывала об этом, то, вернувшись домой, обычно обнаруживала, что все три пункта уже выполнены за меня.

Я вошла в свою спальню с голыми кремовыми стенами, мебелью из белого дуба и стеной из окон шестиугольной формы, которая выходила на пожарную лестницу. Там сейчас сидели два голубя с пурпурно-серыми взъерошенными перьями, крепко обхватив перила тонкими коготками. Мне вспомнилось, как я завидовала тому, что они родились со всеми перьями, что им не нужно их зарабатывать. Никогда никому в этом не признавалась. Даже Лей. Ведь кто готов признать, что завидует крысам с крыльями, а именно так большинство жителей Нью-Йорка воспринимали талисманы своего города?

Когда я задернула шторы, что-то блеснуло на плоской крыше соседнего здания. Я прищурилась, сердце бешено заколотилось при мысли о том, что Ашер или другой истинный последовали за мной, но это всего лишь громоздкие вентиляционные блоки и телевизионные антенны.

Пульс успокоился, и я отгородилась от яркого солнечного света. Скинув ботинки, я свернулась клубочком на кровати и стала рассматривать простую стену над письменным столом. Я любила искусство, но никогда не украшала спальню. Ни в гильдиях, ни в парижской квартире Мими, ни в «Плазе», ни здесь. То ли я никогда не чувствовала необходимости заявить о своем присутствии, то ли просто нигде не ощущала себя как дома.

Вероятно, последнее. С раннего возраста нас учили, что наш истинный дом – Элизиум, а мир людей – просто остановка на пути к конечной цели.

Достав телефон из куртки, которую не удосужилась снять, я принялась искать картины художников. Я просмотрела три сайта, прежде чем нашла то, что искала. И заказала два огромных принта, закрепленных на алюминии и покрытых оргстеклом. С промыванием мозгов покончено. Хватит быть бродягой. Этот мир – то что нужно. Мой конечный пункт.

Отложив телефон на тумбочку, я закрыла глаза. Не думала, что снова получится заснуть, но вскоре воркование серых уличных птиц стихло, сменившись шумом волн, разбивающихся о белоснежный песок. Передо мной стояла Лей, персиковые волосы развевались вокруг ее овального лица, зеленые глаза сияли от счастья, платиновые крылья мерцали, словно инкрустированные бриллиантами.

«Как ты можешь улыбаться после того, что представители нашего вида с тобой сделали?»

«Сделали? Что они сделали, Селеста?»

«Они позволили тебе умереть. Сожгли твои крылья».

«Но мои крылья здесь, милая».

Они на месте, но это неправильно.

Лей потеряла свои крылья. Сераф Ашер обратил их в пепел.

Разве не так? Внезапно ее перья вспыхнули пламенем, расплавившись, точно воск, вокруг ее босых ног. Она не кричала. Не плакала. Не двигалась. Просто осталась на месте и стоически приняла свою судьбу.

Лей! Лей! Я потянулась к ней, но она отступила.

И еще.

И еще.

– Все в порядке, Селеста. – Ее голос звучал странно, немного хрипло.

– Нет, не в порядке! Твои крылья. Их нет. Это нечестно.

– Селеста... – Тембр был таким глубоким. Таким мужественным. – Детка, проснись. Тебе снится кошмар.

Мои глаза распахнулись, и взгляд остановился на карих радужках, подбородке с щетиной и темных волосах, зализанных назад с помощью геля, – Джейс.

Не Лей.

– Никто никому не сжигает крылья. – На его губах играла улыбка. Разумеется, Джейс считал это забавным, поскольку в его версии мира у людей нет крыльев. Он убрал прядь волос с моего лба и, пропустив ее сквозь пальцы, заправил за ухо. – Я принес несколько пицц. С дополнительной порцией баклажанов.

Мой желудок заурчал, хотя я была уверена, что сейчас ничто не задержится во мне надолго. Потирая глаза, я села и оглядела свою мрачную спальню.

– И еще вино. Не на пицце.

Я попыталась улыбнуться, но мои губы были слишком вялыми. Неужели все это действительно произошло сегодня? Мими правда умерла? Ашер в самом деле приготовил мне яичницу? Все это казалось таким сюрреалистичным.

– Разве ты не должен быть на работе?

– Я же сказал, что сегодня я весь твой.

В моей груди вспыхнуло пламя эмоций, оно наполнило глухую, холодную оболочку небольшим теплом.

– Хочешь об этом поговорить?

Не уверена, имел ли Джейс в виду мой ночной кошмар или же смерть Мими. Но поскольку я не желала говорить ни о том, ни о другом, я ответила:

– Нет.

– Хочешь обняться?

– Да.

Он обвил меня татуированными руками, и я уткнулась в основание его шеи, вдыхая древесно-имбирный аромат. Мы не разговаривали, хотя его горло подрагивало. Вероятно, от незадаанных вопросов.

Я ценила его молчание.

Его дружбу.

Его объятия.

Его самого.

– Я заказала несколько картин для своей комнаты.

Пару мгновений Джейс молчал. Возможно, беспокоился о том, что я просверлю дырки в безупречной штукатурке? Не уверена, почему именно это стало моей первой мыслью. Возможно, потому что я боялась изуродовать его квартиру.

– Наконец-то.

Я отстранилась.

– Ты не возражаешь, если я украшу квартиру?

– Возражаю, что ты спрашиваешь.

– Это твой дом.

– А это твоя комната.

– Я просто арендую ее. – Я смяла плед.

– Все равно она твоя. – Он положил ладонь на мою напряженную руку, заставляя костяшки пальцев расслабиться. – Особенно сейчас.

Теперь, когда мне некуда возвращаться по выходным.

Мои глаза щипало, словно их обожгли зажигалкой. Я закрыла их, пытаюсь подавить нарастающую печаль.

Губы – теплые, мягкие – коснулись моих. Нерешительно. А затем с меньшей осторожностью. Знакомое давление губ Джейса отодвинуло мою печаль в сторону, спрятав ее за всплеском примитивной потребности. Потребности чувствовать одновременно что-то еще и в то же время не чувствовать вообще ничего. Мои пальцы скользнули к его голове и запутались в жестких локонах, прижимая Джейса все ближе, ближе и ближе, пока мы не стали только воздухом, теплом и пульсирующей кровью.

Я позволила его пальцам и губам обнажить меня, успокоить так, как не могут слова. Поверхностный комфорт, но все же комфорт. Слишком скоро его вес и тепло исчезли, и я осталась одна в темноте, обнаженная и холодная, насытившаяся, но пустая...

Невероятно пустая.

Как и мои стены.

Спустив воду в унитазе и захлопнув ведро, Джейс спросил:

– Пицца и вино?

– Я не голодна. – Я свернулась клубком и сделала глубокий вдох. Я просто дышала. Сдерживая слезы, но не в силах сдержать всепоглощающую печаль.

– Ладно. – Дверные петли застонали. – Тогда постарайся заснуть, Си.

Когда дверь закрылась, я задохнулась от плавающих осколков сердца и заглушила рыдания смятой подушкой.

Джейс не вернулся, потому что мы разделяли интимные моменты, но никогда не спали вместе.

Сегодня ночью я хотела, чтобы он забыл о моих правилах, вернулся и обнял меня.

Но он так и не пришел, и в итоге я обнимала себя сама.

Глава 8

Когда на следующий день мы с Джейсом шли по двору Колумбийского университета, он сказал:

– Си, иди домой.

Я моргнула.

– А?

– Домой. Возвращайся.

Домом была Мими, но Мими больше нет.

– Ты не в том состоянии, чтобы посещать занятия.

Я крепче сжала свой увесистый учебник.

– Я в порядке.

– Нет, не в порядке.

– Мне кажется, я знаю себя лучше, чем ты.

Поджав губы, он сделал шаг назад.

– Ты права. Я ничего о тебе не знаю. – Точно как версия Лей из сна, он отступил, снова и снова. – Но не потому, что не пытался узнать, – выпалил он, оставив меня стоять в одиночестве на зеленой лужайке.

Я сомкнула колени, пытаясь не упасть, когда элегантные кирпичные и каменные здания раздувались и сжимались вокруг меня, вызывая головокружение и удушье. Подняв лицо к небу, я смотрела на солнце, пока оно не обожгло зрачки, погрузив их в боль, как и все остальное во мне, затуманивая мир, сжигая его цвета, запахи, звуки и движения.

Мой телефон запищал. Взглянув на экран, я увидела сообщение от мистера Олдермана: «Когда и куда вы хотите, чтобы мы доставили прах Мюриэль Моро?»

Мои колени подкосились, и я начала падать.

Я все падала.

И падала.

Мир посерел и распался на фрагменты, а затем стал темным, как обсидиан.

* * *

Хлопнули дверцы шкафа. Зажурчала вода.

Я перевернулась, ожидая увидеть открытое небо, но над головой нависал бледно-серый потолок, а сапфировые портьеры из смятого бархата обрамляли черный беззвездный прямоугольник. Я села так быстро, что моя спальня расплылась перед глазами, а огромный телевизор с плоским экраном и зеркальные шкафы закружились вокруг меня. Разве я не покинула «Плазу» вчера? Разве не возвращалась в кампус? Как...

Еще один удар заставил мое сердце подскочить к горлу. Звук был близко. В моей ванной комнате.

– Джейс? – неуверенно позвала я.

Если только там не швейцар, но что бы он делал в моей ванной? Это было бы не только странно, но и крайне неуместно. Я снова позвала Джейса.

У мужчины, который вышел из моей ванной, нет ни татуировок, ни темных волос.

Я обернула простыню вокруг себя, хотя все еще была полностью одета – в черную футболку со словом «Злючка», очерченным нарисованным пламенем, и в кожаные легинсы. Я позволила простыне медленно опуститься.

– Снова вернулся, Сераф.

– Возвращение подразумевает, что я уходил.

У меня пересохло во рту.

– А разве нет?

Ашер скрестил руки на белой футболке, которая, казалось, так не соответствовала его статусу. Мышцы напряглись под его полированной, точно солнце Элизиума, кожей.

– Твой парень кажется... милым.

Да, точно.

– Не знала, что вы встречались.

– После того как ты потеряла сознание. Он прибежал, чтобы помочь.

Вполне в духе Джейса.

– Тебе следовало позволить ему.

– И что он мог сделать? Отвезти тебя обратно в крысиную дыру на окраине города и трахать, пока не проснешься?

Я задохнулась от возмущения.

– Его квартира не крысиная дыра. И он не мой парень. Просто сосед. – Почему я чувствовала необходимость прояснить этот момент?

Ашер прислонился к дверной раме, прижимая громадные бирюзовые крылья к спине.

– Может, тебе стоит сказать ему об этом?

– Может, тебе стоит заняться своими делами?

– Ты и есть мое дело.

– Нет, я не имею никакого отношения к твоим обязанностям.

– Селеста, поверь, если бы это зависело от меня, я бы позволил тебе и дальше прожигать дерьмовую жизнь в этом мире.

Он что, опять выругался?

– Мне казалось, ты всеобщий любимчик, Сераф. Думала, не подчиняешься приказам. Я считала, что это ты устанавливаешь правила.

Его перья мерцали в слабом свете, который проникал из ванной.

– Так и есть. Я не подчиняюсь приказам. И да, я устанавливаю правила.

– Тогда почему, во имя Абаддона, ты так стремишься заставить меня вознестись? Неужели не выполнил свою ежегодную квоту?

Его губы дрогнули. Должно быть, мне показалось, потому что архангел обладал нулевым остроумием и еще меньшим чувством юмора.

– Я уже говорил тебе, Селеста. Мюриэль потребовала, чтобы ты завершила свои крылья.

– Мими никогда бы не стала требовать этого от меня.

– И все же она это сделала.

– Почему? И с чего бы ей просить помощи у тебя? У убийцы ее сына.

Тьма окутала серафима, драматически оттенив его выразительные скулы.

– Я набрал тебе ванну и заказал еду.

– Я не твой ребенок.

Он опустил подбородок.

– Я прекрасно понимаю, что ты не мой ребенок, но каким-то образом ты стала ребенком для Мюриэль, и, поскольку ее здесь больше нет, чтобы заботиться о тебе, теперь ты застряла со мной. Так что вставай, смой с кожи вонь твоего парня и встретимся на кухне.

Я не краснела. Никогда. И все же мое лицо опалило жаром. Вонь моего парня? Да кем он себя возомнил, черт возьми?

– Хватит придумывать, как заставить меня улететь и оставить тебя.

– Ох, Сераф. – Мои губы скривились в жестокой улыбке. – Я не думала, как заставить тебя улететь. Я придумывала способ тебя убить.

Из моих крыльев не выпало ни одного пера. Возможно, потому, что это не ложь, а возможно, и потому, что ишимам наплевать на мою угрозу. В конце концов, я не могла убить архангела. Только другой архангел обладал такой силой, потому что единственный способ убить вознесенного – сжечь его крылья огнем серафимов.

Ашер фыркнул, и, хотя он все еще находился в тени, его глаза сверкнули бирюзовым отблеском на фоне монохрома.

– Что ж, развлеки себя этими видениями в ванной.

Прежде чем я успела ответить, дверь моей спальни с грохотом захлопнулась.

Глава 9

После долгого отмокания в ванной, где я представляла себе всевозможные способы разозлить архангела настолько, чтобы он отказался от своей маленькой миссии «помочь-заработать-неоперенной-крылья», я остановилась на самом простом методе вывести его из себя – провокации. Я выбрала обтягивающую черную майку, которая демонстрировала мои торчащие соски, и надела черные трусики, не слишком откровенные, но достаточно узкие. Будь у меня лифчик, я бы надела его, но я не ношу бюстгалтеры, потому как не выделяюсь достоинствами и не заинтересована в ложной рекламе.

Единственное, что отличало меня от ребенка или парня, – тонко очерченная талия и неплохая попа, и то и другое теперь выставлено напоказ. Вооружившись обнаженной плотью, которая наверняка заставит чопорного архангела скорчиться, я пробралась на кухню, где он раскладывал картонные коробки с едой навынос. Он не шутил, когда сказал, что заказал много еды. Огромный кухонный островок оказался скрыт под множеством экологичных картонных контейнеров.

– Неужели ресторану пришлось закрыться на ночь? – Я жестом указала на нелепый шведский стол.

Ашер поднял взгляд, и контейнер с жареными кальмарами, который он пытался втиснуть между горой розовой лапши и куском пармезана, выскользнул из его пальцев и упал на пол.

Он посмотрел на меня, а затем на бедных кальмаров, будто они тоже одеты неподобающим образом.

– Кажется, ты забыла надеть штаны.

– Зачем мне штаны? Я дома.

Он присел и рукой зачерпнул жареные кольца, а затем бросил их обратно в испачканный жиром контейнер. Должно быть, ему надоело убирать за собой обычным человеческим способом, потому что его пальцы вспыхнули огнем и он испепелил остатки еды. Затем Ашер запихнул коробку в мусорное ведро под раковиной. Несмотря на то, что огонь, вероятно, поглотил все, Сераф вымыл руки, затем еще раз, мышцы на его спине напряглись и подергивались под тонким хлопком.

– Ну, как жизнь, Сераф?

Он выключил кран, но не повернулся. Просто стоял ко мне широкой спиной, упершись мокрыми ладонями в край черной каменной раковины.

– Ты в итоге женился? Ох, постой, а разве ты можешь? Тебе давали всего один месяц, чтобы заключить сделку с удачливой неоперенной. Прости, удачливой истинной, потому что гибридам запрещено участвовать в конкурсе на твое сердце, ведь наше оперение слишком безвкусное.

Его костяшки побелели, а пальцы согнулись. Раздался треск. Черный камень откололся от металлической раковины.

Он уставился на свои пальцы.

Я уставилась на его пальцы.

– Ты только что сломал мою раковину?

Ашер издал низкий рык, который звучал отнюдь не ангельски.

– Я почищу ее утром.

– Я не каменщик, но не думаю, что ее можно склеить обратно.

– Я сказал, что позабочусь об этом, – рявкнул он, по-прежнему не глядя на меня.

У кого-то вспыльчивый характер.

Операция «досадить-серафиму» работала безупречно.

Он водрузил кусок черного камня на столешницу, опрокинув бутылку с моющим средством. Затем поправил ее и потратил огромное количество времени на поиск точного угла, под которым отломанный кусок нужно установить. Когда Ашер наконец повернулся, его бирюзовые глаза полыхали, как закатное небо, он не сводил взгляда с моего лба.

– Итак? – Я наклонилась над островком и понюхала блюда, следя за тем, чтобы задница выпячивалась как надо, хотя лень побуждала меня опуститься на один из барных стульев. – Ты нашел себе идеальную супругу?

– Нет.

Я попыталась заглушить искреннее любопытство напускной беспечностью.

– Потому что у тебя закончилось время?

– Потому что решил, что не хочу больше никаких осложнений в своей жизни.

– Осложнений? Звучит оскорбительно для моего пола. – Я схватила с тарелки помидор черри и засунула его в рот, вонзаясь зубами в тонкую кожицу, пока не брызнул сок.

Сколько времени прошло с тех пор, как я ела в последний раз? Я пропускала завтрак два дня подряд, затем обед и ужин, а потом снова обед по очевидным причинам. Помидор скатился в желудок, как кислая вишня. Последний раз я ела вместе с Мими на этой кухне.

Чтобы избавиться от затаившейся печали, я спросила:

– Значит, безбрачие, да? Звучит ужасно.

Ашер нахмурился.

– Я здесь не для того, чтобы обсуждать свой жизненный выбор.

– Тогда что мы будем обсуждать? О-о-о. Я знаю. Политику Элизиума. – Я прислонилась бедром к кухонному островку. – Мне так много хочется высказать.

– Даже не сомневаюсь.

– С чего бы нам начать? Как насчет закона о душах нефилимов? Угадай, что я узнала после того, как ты сбросил Лей обратно в мир людей? У нефилимов есть души. Ой, подожди. Ты об этом знал. Тоже мне новость. – Я драматично закатила глаза. – Однако я была не в курсе. Как и Лей.

Его челюсть напряглась.

– Знаешь, что я думаю?

– Я бы предпочел, чтобы ты мне не говорила.

Оттолкнувшись, я подошла к Ашеру и встала прямо перед его лицом, что можно считать подвигом, учитывая, что он на целую голову выше меня.

– Думаю, мне стоит вернуться в гильдию и просветить наш народ. Считаю, ангелы-стажеры заслуживают того, чтобы знать правду.

Мы стояли так близко, что я могла видеть, как на его виске от молчаливого гнева вздулась и затрепетала вена.

– Всю нашу жизнь нас учат не лгать и все же воспитывают во лжи. Не кажется ли тебе, Сераф, что это просто бред?

– Селеста... – Он выдавил мое имя, едва шевеля челюстью, чтобы сформировать несколько слогов.

– Что, Сераф? – ласково спросила я.

– Когда вознесешься, приглашаю тебя обсудить этот вопрос с Советом Семи.

– Только вот. Я. Не. Вознесусь. – Я подчеркивала каждое слово легким постукиванием указательного пальца по твердой груди Ашера.

Рука, которой он сокрушил столешницу, поднялась и обхватила мой назойливый палец. На мгновение я подумала, что он может раздробить мне фалангу, но Ашер просто отодвинул мою руку от себя, затем отпустил. А потом отошел в сторону.

К сожалению, он не улетел. Просто направился к холодильнику и открыл дверцу. Он взял бутылку воды и открыл ее.

– Хочешь?

– Нет.

– Стакан молока?

– Я хочу, чтобы ты не менял тему. Жажду услышать, как ты собираешься использовать свое положение для воспитания молодежи.

Вместо ядовитого ответа я услышала тяжелый вздох.

– Я всего лишь один человек.

– Влиятельный человек.

– Возможно, но нас семеро. Чтобы изменить закон, за него должны проголосовать хотя бы четверо.

– Ну, ты хотя бы поднимал этот вопрос?

– Поднимал. Дважды.

– И?

Он захлопнул дверцу холодильника чуть сильнее, чем нужно.

– И раз ничего не изменилось, можешь представить, что моя просьба не обрела популярности среди членов Совета.

– И что? Ты сдаешься?

– Я не сдаюсь, но настаивать... – Он оборвал себя, глотнул воды, затем потер шею. – Это привлекает внимание.

– И также приносит результаты.

Он тихонько фыркнул.

– В соответствии с такой логикой я должен просто продолжать настаивать на том, чтобы ты завершила свои крылья, и в итоге ты сделаешь это без применения грубой силы.

– Мои крылья – мое личное дело. Души нефилимов – дело общественное. Информация должна стать общедоступной.

– Будучи столь мятежной, ты все же отказываешься от борьбы. Почему?

– Мой голос никогда не будет иметь такой же вес.

– В Элизиуме будет.

– Может, я и гибрид, но я не глупая.

– Какое отношение одно имеет к другому?

– Ты просто пытаешься задобрить меня, чтобы я передумала насчет вознесения.

Ашер осушил бутылку с водой и расплющил ее.

– Хотя твое сотрудничество облегчило бы мне жизнь, я никогда не встречал никого с таким же красноречием, как у тебя.

– Лей была такой же. А еще у нее были прекрасные перья истинной. Чистокровные перья. И посмотри, что с ней случилось, так что прости мою тупость в нежелании трудиться, чтобы заработать перья, если в итоге я их просто потеряю.

Глаза Ашера потемнели, словно пролитые чернила.

– Лей их не теряла. Она от них отказалась.

– Думаешь, я не пойду по ее стопам, если могущественные силы неоднократно будут сбивать меня с ног?

– Не думал, что сдаваться в твоём стиле.

– Ты прав. Мой стиль – оставаться стойкой, даже после того, как все от меня отказались.

– Кто от тебя отказался? Мюриэль и Лей? – От тяжелого дыхания его грудь словно расширилась. – Они не отказывались от тебя. Они умерли. Есть большая разница. Так что я не уверен, кого ты сейчас имеешь в виду, потому что никто от тебя не отказывался. Это ты отринула нас!

Сила его голоса резонировала в моей голове.

– Я никогда не возвращалась в гильдию после Лей... После того, что произошло. – Я перевела дыхание. – Мне было пятнадцать. – Еще один вдох. – Никто за мной не пришел. За четыре с половиной года ни один ангел ко мне не явился. Ты вправе не соглашаться, но в моем мире равнодушие равносильно отказу.

Не взглянув больше на обилие блюд, я вернулась в спальню и заперла дверь. Я задернула шторы, трясущимися руками взяла телефон и написала Джейсу, что со мной все в порядке и «нет, меня не похищали».

Я: Увидимся завтра?

Его ответ не заставил себя ждать.

ДЖЕЙС: Пообедаем в «Трэпе»?

Я: Конечно.

Прежде чем отключить телефон, я еще раз перечитала сообщение мистера Олдермана, то самое, из-за которого я потеряла сознание. И быстро напечатала ответ: «Пожалуйста, доставьте его завтра утром в “Плазу”. *Спасибо*».

А потом, вероятно, потому что я потратила немереное количество времени на сон и разволновалась из-за разговора с Ашером, я включила Netflix и посмотрела целых три сезона «Американской семейки». Как бы мне хотелось появиться на свет в шумной и сумасшедшей семье, а не в тихой и покорной. Я погрязла в жалости к себе всего на несколько минут. Затем решила, что терзания делу не помогут и нужно действовать.

Я создам собственную шумную и сумасшедшую семью, усыновлю много детей, поскольку нефилимы бесплодны, и, возможно, выйду замуж за мужчину. Или за двух. В некоторых странах женщинам разрешено иметь несколько мужей, верно? Но опять же двое мужчин – та еще головная боль. Остановлюсь на одном.

Достойном.

В памяти всплыл давний разговор с Лей. Мы заканчивали обедать в Версальском саду, когда она пыталась убедить меня в существовании родственных душ. Действительно ли Джаред был ее второй половинкой? Хотя я и смеялась... Смеялась ли? Может быть, я просто покачала головой... Мне стало интересно, правда ли это.

Знает ли Ашер?

Я ухмыльнулась при мысли о том, чтобы затронуть эту тему. Хотя, если подумать, при условии что Сераф еще не ушел, обсуждение романтики наверняка заставило бы его улететь. Ни одному мужчине – крылатому или нет – не нравится обсуждать любовь.

И хотя я не стучала пальцами и не смеялась, как ненормальная, моя улыбка превратилась в усмешку, которая так и осталась на моих устах. На протяжении. Всей. Ночи.

Глава 10

На следующее утро я вышла из спальни, на этот раз полностью одетая, и услышала голоса, которые доносились из кухни. Два голоса. Один принадлежал Серафу Ашеру. Мне так и не удалось выяснить, кому принадлежал второй, поскольку, когда я добралась до места назначения, архангел уже захлопывал входную дверь.

Повернувшись ко мне, он провел рукой по волосам, убирая их с лица. Желтые пряди завитками упали ему на плечи. Он ночевал здесь? И если да, то где он спал? Может, архангелу и не нужен сон. Тогда понятно, почему его белая футболка не помялась. Если только это не другая футболка.

– Принесли для тебя.

Мой взгляд переместился на вазу, которую он поставил на очищенный кухонный островок. Не вазу. Урну. Мои ноги стали ватными, а во рту пересохло. Сглотнув, я напредила себе, что женщина, которую я любила, не заключена в этой золотой емкости. Она в безопасности в Элизиуме.

В безопасности в Элизиуме...

Разберусь с этой мыслью позже.

Я убрала пальцы с мобильного и отложила его.

– Ты наконец-то собираешься что-нибудь съесть? – спросил Ашер.

– Сначала кофе. – Я направила к шкафчику над разрушенной каменной раковиной и взяла чашку в горошек, мое сердце сжалось от ощущения украшенного фарфора, которым Мими так дорожила, что перевезла весь набор из «Суда Демонов». Поднеся чашку к модной встроенной кофемашине, я спросила:

– Хочешь кофе?

– С удовольствием, спасибо.

– Американо? Эспрессо? Сахар? Молоко?

– Эспрессо. Черный.

Когда емкость наполнилась темной вкусоотицей, я вернулась к шкафчику.

– Ты спал здесь?

– Да.

Я сменила его чашку на свою под носиком машины и дружелюбно поднесла Ашеру кофе.

– Волновался, что я сбегу?

Он поднял чашку, которая так изящно смотрелась в его длинных пальцах.

– Ты нашла свои штаны.

Я опустила взгляд на эластичную кожу, обтягивающую ноги.

– Большинство мужчин были бы разочарованы, но ты выглядишь вполне довольным.

Поскольку его рот скрывала чашка, я наблюдала за его реакцией. Уголки глаз слегка сморщились, но, возможно, это потому, что мы с Мими предпочитали горькие бобы, а архангел нашел их слишком терпкими.

Однако он осушил всю чашку.

– Может, все потому, что большинство мужчин охотятся за твоим телом, а я – за душой.

– Только вот моя душа привязана к телу. И так будет всегда. – Поскольку у меня только два варианта – смерть или вечная крылатая жизнь. – Они идут в комплекте.

Сераф поставил свою чашку, затем прижал обе ладони к островку.

– Тогда, возможно, мне стоит изменить тактику.

– Тактику?

– Чтобы вознести тебя на Элизиум.

Я отпила кофе.

– Возможно, соблазн подтолкнет тебя к завершению крыльев.

Обжигающая жидкость попала мне в дыхательные пути, и я закашлялась.

– Элизиум, нет, – прохрипела я, отставив чашку и все еще кашляя, очевидно, подавившись кофе и отвратительным предложением архангела. Спустя несколько вдохов через нос мои внутренности успокоились, и я прижала ладони к островку напротив Ашера, повторяя его позу: плечи расправлены, руки прямые. – Больше всего на свете ненавижу убийц, Сераф, так что на твоём месте я бы не стала тратить время на попытки соблазнить того, кто тебя презирает.

Уголки его рта опустились, а огонь в глазах померк.

– Я не вызывался на эту работу, Селеста.

– Что ж, даже не думай посылать других, потому что еще один огромный раздражитель для меня – крылья. Особенно густые и блестящие.

Он долго и пристально меня изучал.

– Истинные не являются источником всего зла.

– Разумеется, нет. Зло – это нефилимы. Не так ли, Сераф? – Не знаю, почему этот разговор не стоил мне перьев. Не то чтобы я жаловалась.

– Спасибо за кофе. – Он отнес чашку к раковине и ополоснул ее, его мышцы на спине напряглись, напоминая движение на Пятой авеню в час пик. – Как только будешь готова отправиться в гильдию, зайди за мной. Мне нужно сделать телефонный звонок. Я буду на террасе.

Когда он отступил, я крикнула:

– Я не собираюсь идти в гильдию. У меня запланирован обед с Джейсом. Моим другом. И ты со мной не пойдешь, потому что тебя не приглашали.

Ашер остановился под арочным дверным проемом, напряжение пробежало по его спине и рукам. А затем его крылья – блестящие, бирюзовые, объемные – расправились. Я надеялась, что он воспользуется ими, чтобы улететь с моего балкона раз и навсегда.

Он повернул голову. Не полностью. Просто наклонил ее так, чтобы я могла видеть суровую линию его челюсти и одну раздувающуюся ноздрю.

– Ведешь себя как капризный ребенок.

– Каким образом то, что я живу так, как хочу, делает меня капризной?

Ашер повернулся, на этот раз полностью, его перья расправились вокруг него чуть больше, но не настолько широко, чтобы кончики задевали атласные стенки.

– Потому что ты выбираешь эту жизнь назло. Назло мне. Своему роду. – Архангел пронзил меня столь мощным взглядом, что я подумала, не пропитан ли он магией – невидимыми лучами ангельского огня или брызгами ангельской пыли, хотя я не уверена, что пыль может навредить, ведь она используется только для маскировки. – Ненавидь меня, хорошо, но не призывай то, кем являешься.

– Я – Селеста Моро.

– Ты – дитя Элизиума.

– Что Элизиум сделал для меня, кроме как наполнил разум ложью, а сердце... – я взмахнула рукой, подыскивая подходящее слово, – несправедливостью? – После столь необходимого вдоха я прошипела: – Знаешь ли ты, как ужасно неоперенные относятся друг к другу? Как осуждают? Как соперничают? Знаешь, каково это – быть обладателем скудных крыльев, которые, во имя оперенья, даже не блестят? – Мое тело тряслось, точно гейзер, готовый вот-вот извергнуться. – Нет. Не знаешь. Потому что ты истинный. Возможно, тебе не все преподнесли на блюде, но у тебя имелся доступ ко всему. Хочешь знать, о чем я мечтала?

Вена отчетливо проступала на его шее, демонстрируя пульс, ритм которого, возможно, не совпадал с моим, но тем не менее был сильным и быстрым.

– Я мечтала стать малахимом. Но знаешь что? Гибридам не позволено направлять души. Так что не говори мне, что я выбрала эту бескрылую жизнь назло. Я выбрала ее, потому что мне

нравится, кем я стала вне кварцевой клетки. Мне нравится, кем меня сделали Лей и Мими. – Я дышала так, словно только что пробежала марафон и обогнала самых быстрых бегунов.

Затуманенный взгляд Ашера скользнул по полу. Хотя мне было все равно, стояла ли моя вспышка гнева всех моих перьев, я посмотрела вниз. И не обнаружила ничего фиолетового.

Мои глаза защипало. Нос и лицо тоже. Жар. Меня опалял жар. И я в ярости. Сжав руки в кулаки, чтобы они не дрожали, я обошла островок по направлению к ряду высоких стульев в поисках сумки. Мне нужно выбраться отсюда. Прочь от эгоистичного и упрямого архангела, который никак не принимал ответ «нет».

– Где моя сумка?

– В гостиной, – мягко ответил он, будто чувствовал, что если заговорит громче, то выведет меня из себя.

Сжав кулаки, я шагнула к нему. Ашер не отодвинулся, но подтянул крылья. Не прижмись я к стене, я бы соприкоснулась с его перьями.

– Подвинься.

Ангел-переросток не шелохнулся.

– То, что ты сказала, правда. Несправедливо, что гибриды лишены тех возможностей, которые есть у истинных.

– Рада, что мы хоть в чем-то согласны. А теперь подвинься.

– Вознесись и стань голосом гибридов.

– Не интересуется. А теперь можешь, пожалуйста... – Я отпихнула его крыло.

Он убрал его, но слишком поздно. Я совершила запретное действие – коснулась крыльев другого ангела. И не просто ангела, а архангела. Вероятно, он вправе наказать меня за это. Позволить ишимаам вырвать мне кости крыльев.

Я схватила сумку с курткой и вернулась в коридор. Ашер все еще стоял там, но он сложил крылья, вероятно, опасаясь, что еще сильнее испачкает свое прекрасное оперенье о мою гибридную кожу.

– Никто никогда не прикасался к моим крыльям. – Его тон снова стал суровым. – Не без моего согласия.

– Если не желаешь, чтобы к чему-то прикасались, не оставляй это болтаться в воздухе.

На этот раз, когда я прошла мимо, у серафима хватило здравого смысла увеличить пространство между нашими телами.

– Надеюсь, было мучительно неприятно. – Я медленно выдохнула, когда ишимы наконец наказали меня, и постаралась скрыть реакцию на пронзительную боль от еще одного потерянного пера.

– Я видел твои воспоминания, Селеста. Ты не такая.

Говорил ли он о том перышке, которое подобрал в гильдии в ту ночь, когда объявил о желании найти супругу? Или он нашел другие?

Это не имело значения.

Перекинув сумку через плечо, я сказала:

– Тогда я была песком. Ангельский огонь, которым ты сжег крылья Лей, коснулся и меня, Сераф, и преобразил.

Последние слова Мими наконец-то обрели смысл. Я была песком, а теперь стала стеклом. Острым и хрупким, но более не аморфным и податливым.

Отступив, я оставила крылатого диктатора обдумывать эту мысль в компании моего уродливого фиолетового пера.

Глава 11

Потребовалась целая поездка на метро до окраины города, чтобы мои кости перестали ныть. Поднявшись на поверхность, я задумалась, не повернуть ли назад. Джейс не заслуживал того, чтобы становиться жертвой моего безобразного нрава. Возможно, он и привык к моим перепадам настроения, но никогда еще оно не менялось так резко. Я достала телефон, чтобы отменить обед, но затем спрятала его обратно в карман. Мне следовало извиниться за то, что отчитала его перед тем, как потеряла сознание.

Я добралась до «Трэпа» раньше Джейса и скользнула в дальнюю кабинку, которую Алисия приберегла для нас, – ту, что под крылатой свиньей. Вместо того чтобы доставить мне радость, ее вид испоганил мне настроение. У меня возникло искушение попросить другой столик, но в заведении было полно студентов, которые наслаждались фирменными бургерами Леона с дымком и картошкой фри, поэтому я прислонилась к матовой цементной стене и сделала вид, что свиньи нет.

В ожидании Джейса я ответила на письмо своего консультанта, затем на сообщения мистера Олдермана, подтвердив, что получила прах Мими, а потом отказалась от предложения заказать мне билет в Париж, заявив, что в нужный момент сделаю это сама.

Алисия принесла корзинку начос, гуакамоле и кофе со льдом.

– Комплимент от шеф-повара.

Я улыбнулась ей.

– Передай шеф-повару, что он только что сделал мой день.

– Передам, дорогая. Хочешь что-нибудь еще, пока ждешь? – Неоновый баклажан над дверью в туалет оттенял ее темную кожу и платиновые волосы, которые девушка выбривала с одной стороны и заплетала с другой. Она перешла к этому стилю после третьего разрыва с Леоном и сохраняла его на протяжении четвертого и пятого.

– Мне достаточно. Спасибо.

Когда она ушла, я открыла приложение для путешествий и принялась искать рейсы до Парижа. Я уже собиралась ввести номер кредитки, когда Джейс вошел в бар в своей привычной повседневной одежде – спортивных штанах, футболке и бейсболке.

Он сел напротив меня и развернул бейсболку.

– Прости. Профессор Уильямс попросила меня остаться после занятий. Хотела обсудить дыхание во время публичных выступлений. Очевидно, я не очень хорошо справляюсь. – Он криво усмехнулся. – Кстати, она спросила, где ты. Я сказал, что у тебя семейные дела.

Семейные дела. Будто ножом по сердцу...

Прядь его темных волос выскользнула из-под бейсболки и закрыла край приподнятой брови.

– Кто был тот парень вчера?

Разве нельзя мне хотя бы час провести без Ашера? Хотя бы один? Неужели я о многом прошу?

– Кое-кто из моего прошлого. – Стена за моими напряженными лопатками казалась еще тверже и прохладнее.

– Вроде парня?

– Нет. Противоположность парня.

– Не уверен, что понимаю, кто является противоположностью.

– Человек, к которому у тебя нет привязанности.

К нашему столику подошла Алисия, записала заказ – как обычно – и ушла.

Джейс оперся татуированными руками на стол, мускулы напряглись под декоративными чернилами.

– Он причинил тебе боль?

– Не физически.

– Так и знал, что Аберкромби мерзавец. – В голосе Джейса чувствовалась враждебность. – Мне не стоило позволять ему забирать тебя.

– Аберкромби? – Я потянулась за начос и зачерпнула немного гуакамоле.

– Не мог вспомнить его имя, поэтому дал ему другое.

Я не стала называть Джейсу имя Ашера. После моей непочтительности архангел наверняка от меня отказался. Возможно, он уже наверху, в Элизиуме, восседает на кварцевом троне с прямой спиной, поскольку не склонен к сутулости, и обсуждает с ишимами, как быстро сможет избавиться от моих оставшихся перьев. Сколько их у меня осталось? Триста пятнадцать? Триста двадцать?

Мысль о том, что он действительно собирался помочь мне заработать шестьсот с лишним перьев до конца года, показалась до абсурдного забавной.

– Почему ты улыбаешься?

Дожевав начос, я запила его кофе.

– Мне нравится прозвище. – Аберкромби. Хотя Ашер и не типичный американский подросток-качок, оно прекрасно подходило этому высокомерному мускулистому ангелу.

– Что он тебе сделал, Селеста?

Я выждала пару мгновений, чтобы придумать правдоподобный ответ, потянула за соломинку и наполнила желудок ледяной жидкостью.

– Помнишь ту девушку, о которой я тебе рассказывала? Ту, которая была мне как сестра?

– Лейтон?

– Лей. Перед смертью она жила с ним.

Джейс нахмурился.

– Они были женаты?

– Не совсем. Скорее, он хотел на ней жениться, но она этого не желала. В общем, он ее выгнал.

Карие глаза Джейса вспыхнули отвращением.

– Кто, черт возьми, способен выгнать женщину на улицу?

Наверное, мне следовало добавить ту часть, где она умоляла позволить ей уйти, но это казалось неуместным, поскольку она никогда и не просилась в Элизиум.

Сильная шея Джейса напряглась.

– Мне очень жаль, что я позволил ему забрать тебя вчера.

– Все нормально. Как я уже сказала, он не опасен. Он просто...

– Подонок? – уточнил Джейс.

Я кивнула. А потом ждала, что почувствую укол, но ни одно перышко не упало, возможно, потому что не я произнесла это слово.

– Что он делал в кампусе?

– Он знает Мими. – Ее имя вызвало ужасную вспышку боли за ребрами. – Знал ее.

– Значит, приехал на похороны.

Поскольку это не был вопрос, я не ответила.

– Он уехал?

– Надеюсь. – Я взглянула в сторону двери, словно ожидая увидеть его там, в подземном заведении Леона в разноцветных лучах неоновом свете.

К счастью, Ашера там не оказалось.

Нам принесли еду, и я буквально проглотила ее, хотя мой желудок болел и протестовал, сжавшись после нескольких дней незапланированного голодания. Когда появилась Алисия с тарелками сочных, жирных гамбургеров, я увела разговор от Ашера и не упоминала о нем до конца обеда.

Покинув заведение, Джейс перевернул бейсболку обратно, чтобы закрыть глаза от яркого солнца.

– Ты сегодня придешь на занятия Голдштейна?

Я не планировала, но почему бы и нет? Единственное место, куда мне еще нужно попасть, это Париж.

В конечном счете.

В итоге я вернулась в кампус вместе со своим соседом по квартире. В какой-то момент он переплел наши пальцы, и, хотя я позволила ему взять меня за руку, я ослабила хватку, потому что не хотела, чтобы он неверно истолковал наши отношения.

* * *

Вместо того чтобы вернуться в нашу квартиру в кампусе после занятий, я заявила, что мне нужно собрать вещи Мими. Хотя это было правдой, настоящей причиной, по которой я хотела уехать обратно, стало... наше держание за руки.

Тепло его кожи задержалось на моей, словно паутинные нити, и зародило во мне глубокое беспокойство.

– Увидимся позже в «Трэпе»? – спросил Джейс, провожая меня до метро.

– Не сегодня. Мне нужно привести в порядок некоторые дела дома, а потом улететь в Париж. Мюриэль хотела, чтобы ее похоронили там.

Мне не нравилось использовать Мими, чтобы избежать этой неловкой ситуации. Нам с Джейсом следовало сесть и пройти толстым перманентным маркером по тем линиям дружбы, которые нельзя пересекать. Мы не дети. Мы взрослые. И взрослые поступки предполагают честность.

Я повзрослею после поездки.

– Хочешь, поеду с тобой?

– В Париж?

Он пожал плечами.

– Или в твою квартиру. Могу помочь упаковать вещи в коробки. – Когда я закусила губу, он добавил: – Я умею обращаться с картоном.

Мне следовало ответить на его улыбку или, по крайней мере, сжать его руку и поблагодарить. Вместо этого я сказала:

– Сегодня четверг. Твоя самая занятая ночь.

– Мне не обязательно идти на работу. Только не когда ты во мне нуждаешься. – Его изучающий взгляд встретился с моим. – Ты нуждаешься во мне?

– Эм... – Я еще сильнее закусила нижнюю губу.

Моя отчужденность омрачила выражение лица Джейса и в конце концов убила его энтузиазм.

– Думаю, нет.

– Джейс.

Он начал пятиться.

– Джейс, ты же знаешь меня. Мне нравится разделять части моей жизни. Это я и делаю. Всегда так поступала.

– Поэтому ты так и не представила меня ей? Чтобы сохранить порядок в жизни? Или потому, что ты меня стыдилась?

– Стыдилась тебя? Почему я должна тебя стыдиться?

– Потому что я стипендиат, а мой брат – бывший заключенный.

– Джейс, я не стыжусь ни тебя, ни твоего брата. Я восхищаюсь вами обоими.

Он перестал отступать, но сохранил дистанцию между нами.

– Тогда почему?

– Потому что так и не представилось подходящего времени. А Мими была затворницей. И... – Я растерянно взмахнула рукой, мои кольца сверкнули в лучах полуденного солнца. – Отлично. Пойдем со мной! Я покажу тебе, куда ездила по выходным.

Он глубокомысленно фыркнул.

– Пас.

Моя рука вновь опустилась. Его отказ меня одновременно и ошеломил, и нет. Я бы тоже не приняла собственное предложение.

– Это вышло...

– Не знаю, какие секреты ты пытаешься утаить, но мне грустно, что ты чувствуешь необходимость скрывать что-то от меня. – С этими словами Джейс развернулся и пошел по кварталу, обойдя мать, одетую так же чопорно, как и ее малыш.

У меня заныло в груди, и я сжала руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Возможно, мне следовало сделать настоящее приглашение, а не отмахнуться простым сообщением. Просто чтобы Джейс увидел, что мне нечего скрывать. Прежде чем отправиться в промозглый и темный район Нью-Йорка, я послала ему сообщение, в котором была всего одна строчка: мой адрес на юге Парк-авеню и номер квартиры. У меня имелись секреты, но не в доме, который я делила с Мими. Мои секреты похоронены в Мюррей-Хилл, в кварцевой резиденции, спрятанной за узкой зеленой дверью.

Джейс, вероятно, слишком горд, чтобы приехать прямо сейчас, но на случай, если он передумает, все в его руках.

Глава 12

Джейс так и не приехал после смены. Не то чтобы я действительно ожидала его появления. Я ждала сообщения, но последние слова в нашем чате сказаны мной. На следующее утро, несмотря на то что мое тело весило не меньше грузовика, а настроение по консистенции и цвету напоминало небо – мрачное, угрюмое, серое, – я вытащила себя из постели.

Пока пила кофе и жевала крекеры, от которых болели зубы, я осмотрела коридор, где вчера потеряла перо. Его нигде не было видно, что могло означать только одно: Ашер к нему прикоснулся. Если только он не подобрал перо кухонными щипцами и не выбросил в мусорное ведро, что вполне реально, учитывая, как архангел злился.

Я вытащила еще один крекер, пластиковая упаковка хрустнула, и я снова уставилась на урну, золотистую каплю на темном каменном острове. Жестокое напоминание о женщине, которую я потеряла.

Дрожь охватила мои запястья и пальцы. Чашка выскользнула и разбилась на мелкие осколки в горошек возле моих ног в носках. Синие точки танцевали поверх белого. Вместо того чтобы пригнуться и собрать осколки, я просто стояла на месте.

Мою грудь сотрясала дрожь, она расширилась, а затем сжалась так сильно, что я вздрогнула.

– Это чашка, Селеста, – пробормотала я себе под нос.

Но это не просто чашка. Как и прах, фарфоровый чайный сервиз был частью женщины, которую я любила.

Не знаю точно, сколько времени я так простояла, окруженная осколками фарфора, которые торчали, словно корпус яхты, потерпевшей кораблекрушение. Мелкая лужица кофе растянулась и впиталась в мои носки, и вскоре теплая жидкость стала прохладной, а затем холодной.

Мне нужно лететь в Париж. Положить останки земного тела Мими рядом с мальчиком, которого она лелеяла, даже если их это и не воссоединит. Я попятилась, оставляя мокрые следы по всей квартире. Дойдя до своей спальни, сняла носки и бросила их в корзину для белья, затем стянула остальную одежду и пошла в душ. Вскоре меня окутал густой белый пар – единственное облако, к которому я когда-либо прикасалась. Вытирая полотенцем порозовевшую от жара кожу, я забронировала билет первого класса на вечерний рейс в Париж, затем снова проверила сообщения, чтобы узнать, не написал ли Джейс ответ.

Пусто.

Надев черную рубашку с длинными рукавами и привычные кожаные легинсы, я принялась рыться в ящиках стола в поисках паспорта. Единственное, что я нашла, – полоска фотоснимков, от которых у меня перехватило дыхание. Лей повела меня в кинотеатр в тот день, когда я заработала первое перо. Не помню, какой фильм мы смотрели, но помню, как затащила ее в фотобудку, чтобы увековечить нас на глянцевой бумаге. Мне было десять, я была еще ребенком, а ей пятнадцать, она уже превратилась в женщину с персиковыми волосами и мягкими изгибами, которые она так ненавидела, но которые в моих глазах, в глазах Джареда, а также Ашера, с тех пор как он перед ней распушился, делали ее великолепной.

Прошедшее десятилетие подточило мои скулы, а гнев обострил выражение лица, но, несмотря на это, я все еще напоминала ту девочку с фотографии – веснушчатую, с ямочками, с волосами и глазами одинакового оттенка – красновато-коричневого. Непримечательную. Мне не нужно демонстрировать крылья, чтобы показать свое гибридное наследие. Во мне ничего не сверкало.

Проведя большим пальцем по лицу Лей, я задалась вопросом: что Джейс увидел в моем неженственном теле? Оно не могло его привлечь. Как и мой ужасный характер.

Каждый раз, когда Мими уверяла, что я красива, я смеялась над этим, смеялась над каждым ее комплиментом, но они все равно проникали вглубь, вонзались в огрубевшее сердце и смягчали его.

Бросив последний взгляд на гляцевую полоску, я опустила ее обратно в ящик и сосредоточилась на своей задаче: найти мой чертов паспорт.

Мими, вероятно, спрятала его в сейф. Я пересекла гостиную и ворвалась в ее спальню, но застыла на пороге. Смятые простыни и одинокое фиолетовое перо, упавшее между тумбочкой и каркасом кровати, то приближались, то отдалялись, то вновь становились ближе, снова и снова. Я ударила ладонью по дверной раме, чтобы не дать себе утонуть в потоке переполнявших эмоций. Мои кольца звякнули, столкнувшись с деревом, и впились в кожу.

В этот момент я пожалела, что выгнала уборщиков. Я не хотела, чтобы они стирали присутствие Мими, но доказательство того, что она жила, что покинула этот мир совсем недавно, было сродни языкам пламени, скользящим по груди, и обжигало меня изнутри.

От крепкой хватки у меня заболели костяшки пальцев. Я отпустила раму и отступила в гостиную. Мне потребовалось несколько вдохов, чтобы вспомнить, что я искала в святилище Мими.

Мой паспорт.

Точно.

Я посмотрела в сторону открытого дверного проема. Без него я не смогу сесть на самолет. А если я не сяду на рейс, то не смогу добраться до...

Мои мысли оборвались. Существовал еще один способ путешествовать. Идея пустила корни и расцвела, становясь все более похожей на лучшую из тех, что у меня когда-либо были. Конечно, я отреклась от гильдий, но у гильдий есть поток. Единственное, что мне нужно, это сопровождение. Я не понимала, как и почему вознесенный может отказаться провести меня. Воодушевившись искусностью и целесообразностью своего плана, я забрала куртку и сумку. И уже собиралась схватить урну, но подумала, что лучше не путешествовать с бьющимся кувшином. Я взяла один из ярких шелковых шарфов «Гермес», которые Мими всегда повязывала на шею, и расстелила его на кухонном острове.

Ее аромат – цитрусовый «Аква Аллегория» от «Герлен» – вырвался из цветных нитей, вновь захватывая и сжимая мое сердце. Я сняла с урны крышку и высыпала прах. От серого порошка, усеянного кусочками белых костей, моя кожа покрылась испариной.

Это не Мими.

Сглотнув ком в горле, я свернула шарф так, чтобы частички тела оказались плотно завернуты, точно новорожденный младенец. Я завязала несколько узлов, затем положила его в свою тканевую сумку, спустилась вниз и села в такси.

Прислонившись щекой к подголовнику, который на ощупь казался пластиковым и пах шампунем против перхоти, я наблюдала за проносившимся мимо городом, настолько серым, что он казался бесцветным. Капли дождя барабанили по лобовому стеклу, сначала тихо, а затем более яростно. Их звук заглушал свист прохладного воздуха, который проникал через вентиляционные отверстия, и череду пустых новостей и трейлеров фильмов, воспроизводимых на мониторе.

Мы попали в ужасные пробки, поэтому поездка заняла больше обычных пятнадцати минут. Когда мы наконец остановились, я приложила кредитную карту к терминалу оплаты, нагнулась над сумкой, чтобы защитить ее от ливня, и бросилась к ангельскому храму.

С растрепанными от дождя волосами я вошла в атриум с его фальшивым голубым небом и бьющими фонтанами. Надо мной низко пронесся радужнокрылый воробей, покружил возле кварцевой статуи ангела, затем сел на лозу жимолости и засунул клюв в белый цветок, чтобы глотнуть нектара. Насытившись, он спрыгнул и возобновил пение, присоединившись к

голосам своих сородичей, которые в данный момент окружали небольшую группу восторженных детей, сидящих со скрещенными ногами и поднятыми головами.

Офан Мира стояла во главе своей восторженной аудитории и рассказывала детям историю нашего рода. Какой бы напряженной ни была, она всегда оставалась прекрасным учителем и рассказчиком. Мне стало интересно, какую главу истории она пересказывает: человеческую или небесную. Приблизившись, я уловила имя Ариона.

Первый малахим, один из отцов ангелов, человек, выкованный из неба и пламени. Он вознесся из моря Нирвана вместе с шестью другими ангелами, четырьмя женщинами и двумя мужчинами несколько тысячелетий назад и колонизировал Элизиум, прежде чем отправиться вниз по потокам.

Когда Арион спустился на землю, его супруга Ольба отправилась в Абаддон. Судя по всему, потоки, ведущие к обоим мирам, располагались друг напротив друга в Каньоне расплаты: один окутан темным блестящим дымом, другой – бледно-лавандовым.

Арион вернулся из своего путешествия на землю с первой собранной душой. Когда он узнал, что Ольба еще не прибыла, то отдал душу на попечение одной из своих сестер и спустился по темному потоку. Там он нашел пустынный мир из полированного обсидиана.

Обычно это та часть истории, где офан Мира пропускала путешествие по мрачной, бесплодной земле и быстро переходила к находкам Ариона: огромной яме с потрескивающим пламенем. Там, в свете костра, он обнаружил обмякшее, бескрылое тело Ольбы, покрытое сотней ран, из которых сочилась кровь. Сначала он винил нападавшего в ранах своей супруги, а огонь в отсутствии у нее крыльев, но затем обнаружил засохшую кровь и частички кожи под ее ногтями и понял, что раны нанесены ею самой. Но что с ее крыльями?

Он подхватил Ольбу на руки, но, к сожалению, вдохнул немного дыма, магия которого захватила и истязала Ариона, представив Ольбу в образе монстра. Арион бросил женщину и полетел к потоку, но, прежде чем вернуться в Элизиум, осознал свою ошибку и вернулся за супругой. На этот раз он задержал дыхание, когда поднимал ее, и не дышал, пока дым в потоке не рассеялся и он не поднялся в Элизиум.

Словно затаив дыхание, Мира протяжно выдохнула.

– К сожалению, без крыльев Ольба больше не могла оставаться в Элизиуме.

– Как они узнали, что она не может остаться? – спросил один ребенок.

Мира взглянула на своего ученика.

– Они просто знали.

Классический прием. Закрывать вполне резонный вопрос совершенно неадекватным ответом.

– Так на свет появился первый нефилим, – продолжала Мира. – Что с ней случилось? Кто-нибудь знает?

Рыжеволосая девочка подняла руку.

– Да, Джунипер.

– Ольба сошла с ума, состарилась и умерла.

– Верно, – серьезно заключила Мира. – Итак, неоперенные, какой урок следует извлечь из легенды об Арионе и Ольбе?

Та же рыжая девочка ответила, чересчур взволнованно, учитывая удручающую тему:

– Ангел не может выжить без крыльев.

– Именно, Джунипер. Все так.

От меня не укрылось, как Мира прищурилась, словно предупреждая меня, что таковой будет моя судьба, если я откажусь от крыльев. Что в конце концов я сойду с ума и умру. Конечно, это не самый идеальный конец, но лучше так, чем жить вечно рядом с кучкой пернатых ханжей.

Моя спина напряглась, и с невидимых крыльев упало перо.

Губы Миры скривились, когда она проследила за его вальсирующим падением.

– Офан Мира?

Знакомый голос отвлек мое внимание от пушистого дезертира.

– Да, неоперенная Найя?

– Что случилось, когда она умерла?

– Что ты имеешь в виду?

– Что случилось с ее душой? Райан...

– А-ри-он, – поправила ее Мира.

– А-ри-он перенес ее обратно в Элизиум?

– У нефилимов нет душ, Найя, – заявила рыжая всезнайка.

Найя ахнула. Она уставилась на Джунипер, затем снова перевела взгляд на Миру.

– Это правда, Офан?

Я ожидала, что Мира подтвердит предположение девочки. В конце концов именно это она годами вбивала в наши доверчивые умы.

Но вместо этого Офан произнесла:

– Нет. У них есть души, но зачастую они слишком повреждены, чтобы вознестись.

– На днях воробушек повредил крыло, – сказала Найя, – и ты исцелила его, Офан.

И без того стройное тело Миры, казалось, стало еще тоньше.

– Нельзя сравнивать птичье крыло с душой ангела.

Голос Найи снова повысился:

– А-ри-он хотя бы попытался...

– Хватит! – Крик Миры заставил Найю и большинство воробьев умолкнуть. По крайней мере, ее суровости предшествовало какое-то зерно правды.

Я уже собралась уходить, когда плечи Найи затряслись. Вспомнив все те случаи, когда меня заставляли умолкнуть за то, что я требовала ответов, которые так и не получила, я сказала:

– Найя подняла актуальный вопрос, офан.

Светловолосая малышка завертела головой.

– Селеста! – Не успела я вздохнуть, как она вскочила на ноги и подбежала ко мне.

Когда ее руки обхватили мои бедра, я добавила:

– Раз у нефилимов есть души, возможно, нам стоит попробовать исцелить их, а не бросать. – Я положила руку девочке на голову и погладила одну косичку, затем другую. – Ведь люди достойны второго шанса. Почему ангелы нет?

Мира поджала губы.

– Когда повреждения слишком глубоки, их невозможно исцелить.

Найя посмотрела на меня.

– Я знала, что ты вернешься.

Чувство вины заставило мою руку остановиться.

Найя отпустила меня и сложила ладони вместе.

– Можно я пойду поиграю с Селестой? Пожалуйста, офан Мира, пожалуйста.

Мое сердце сжалось от энтузиазма Найи.

Хотя губы Миры все еще оставались сжатыми, выражение ее лица смягчилось.

– Я могу ошибаться, но сомневаюсь, что неоперенная Селеста пришла поиграть.

Найя запрокинула голову, чтобы посмотреть на меня. Я скривилась? Должно быть, да, потому что ее улыбка померкла, и она сделала шаг назад.

Мне не хотелось лгать, и не потому, что я заботилась о сохранении своих перьев.

– Офан Мира права, Найя. Я пришла, чтобы получить доступ к потоку. – Когда глаза малышки заблестели, я опустила на корточки и коснулась ее плеча. Она не отшатнулась от меня, но ее маленькое тельце съежилось. – Найя, скоро я лишусь доступа к гильдиям, а ты пока

не можешь посещать внешний мир, так что становиться твоей подругой было бы несправедливо. – Я опустила тот момент, что к тому времени, когда у нее появится доступ к внешнему миру, мой разум повторит судьбу Ольбы.

Если только это не очередная часть легенды. Чтобы напугать нас и заставить сохранить крылья.

Найя вытерла щеки. Будь я на ее месте, уже бы давно отмахнулась, но она на меня не похожа.

Вся в золотых локонах и с невинностью херувима.

– Ты не должна сдаваться, Селеста.

– У меня осталось всего два с половиной месяца, милая, и целая куча перьев, которые нужно заработать. Попытка не увенчается успехом.

Остальные дети зашипели, словно осознав, что перед ними будущий нефилим.

Цвет кожи Найи конкурировал с акрами камня вокруг нас.

– Выбери Тройку.

Я склонила голову набок.

– Ты знаешь о Тройках?

– Я знаю, что не все они монстры.

Я не могла вспомнить, в каком возрасте мне рассказали о системе ранжирования, но уж точно не в столь юном.

Конечно же, кто-то из детей спросил:

– Что такое Тройка?

Дети так надежно укрыты и не готовы к тому, что лежало за пределами их кварцевой колыбели, но не мне разрушать стены, дарующие им ложное чувство безопасности, – это задача офанимов. Я попросила профессора гильдии объяснить им, и, что удивительно, она это сделала. В общих и туманных выражениях она рассказала им о грешниках.

Пока Мира говорила, я сказала Найе:

– Мне бы нужно изменить больше, чем одну Тройку, Найя.

В ее глазах засветилась надежда.

– Звучит легко, но это не так.

– Иногда так.

Я нахмурилась. Рассказывал ли ей отец истории о Тройках? Изменил ли он одного из них? Может, он поведал ей о Лей и Джаред, хотя я очень сомневалась, что ангел станет рассказывать своему ребенку про истинную, обернувшуюся нефилимом, и ее возлюбленного Тройку.

– В большинстве случаев это не так. – Я коснулась кончика ее носа, прежде чем подняться на ноги. – Если ты все еще хочешь поиграть...

– Да. – Ответ прозвучал торопливо и с придыханием.

– Хорошо. – Впервые за день я улыбнулась. Впервые за несколько дней. – Офан, могу я одолжить Найю на час?

Мира решительно уставилась на меня, словно пытаясь оценить мои намерения. Возможно, она думала, что я использую этот час, чтобы наполнить голову Найи коварными идеями, а ее сердце – ложной надеждой. Я ожидала, что офаним ответит отказом.

– Один час, Найя. А потом время купания.

– Хорошо, офан. – Улыбка Найи могла осветить весь мир, когда она протянула ладонь и взяла меня за руку. – Мы можем начать с... – Она взвизгнула от восторга, лишив меня нескольких децибел слуха. – *Ара!* – Вместо того чтобы отпустить меня и побежать к нему, она дернула мою руку, развернув к группе из трех ангелов, которые стояли на пороге атриума.

Я ждала, что ишим раскроет объятия, чтобы дочь могла прыгнуть в них, но не ишим распростер свои руки.

Это сделал архангел.

Когда Ашер опустился на одно колено, возле его левого глаза дернулся нерв. Словно раз-
вевающаяся на ветру лента, рука Найи выскользнула из моей, и она бросилась к этим распро-
стертым объятиям.

Глава 13

Ашер стал отцом?

Он сказал, что не нашел супругу, но у него есть ребенок?

Он зачал Найю, пока искал жену или после того, как отказался от поисков?

В памяти всплыл фрагмент нашего разговора. Он говорил о том, что не хочет больше никаких осложнений. Считал ли он осложнением Найю или ее мать? Кто ее мать? Я взглянула на стоявшую рядом с ним женщину-ишима с узким лицом и блеклой шевелюрой, подрагивающей на золотисто-лиловых крыльях. Ее глаза были такими же темными, как у Найи, а волосы – такими же светлыми, хотя и более кудрявыми. Так это она мама Найи? Меня бы не удивило, что серафим выбрал ишима. В конце концов, они истинные. Хотя и не такие высокопоставленные, как малахимы, но все же на вершине небесного тотема.

Когда Найя отстранилась от Ашера и поприветствовала ишимов в соответствии с их титулами – Иш Элиза и Иш Деймон, – я решила, что женщина-ишим не является ее матерью. Что утешало, потому что в ее чертах прослеживалось нечто жесткое. Она мне сразу не понравилась, а поскольку Найя мне пришлась по душе, то не хотелось, чтобы у нее оказалась такая мать.

Найя отошла от Ашера и вернулась ко мне.

– *Ара*, это Селеста.

Ох, он прекрасно знал, кто я.

– У тебя есть дочь, Сераф.

Пульс забился у основания его горла от моего не то чтобы вопроса.

Найя снова взяла меня за руку.

– Мы будем играть в прятки.

Его взгляд остановился на наших сцепленных руках. Уверена, он желал, чтобы я отпустила ладонь Найи. Возможно, даже хотел оторвать ее, прежде чем я запятнала его малышку так же, как вчера запятнала его крылья.

– Прятки? – Его голос был таким же грубым, как и щетина у него на подбородке.

– Я обещала ей одну игру.

– Как... любезно.

Я фыркнула, зная, что архангел не считает меня любезной.

– Не хочешь присоединиться к нам, Сераф?

– Я не могу. У меня есть... – Он пронзил меня взглядом глаз цвета океана, – дела, о которых нужно позаботиться.

Найя надулась.

– У тебя всегда дела, *ара*.

Его выражение лица мгновенно смягчилось.

– Он архангел, неоперенная Найя. – Высокомерный тон Иш Элизы заставил мою неприязнь к ней возрасти так стремительно, что я стала опасаться, что все мои перья разом оторвутся от крыльев. Удивительно, но ни одно даже не качнулось.

Найя покорно вздохнула.

– Я знаю, что у него есть дела поважнее, чем играть со мной.

К примеру, вырезать мое сердце, почему бы и нет?

Я сжала руку Найи, чтобы напомнить ей, что я рядом и готова поиграть.

– Будешь считать или прятаться?

– Я буду считать. – Глубокий тембр голоса Ашера отразился от куполообразного стеклянного потолка. – Вы двое прячьтесь.

И снова Найя чуть не уничтожила мои барабанные перепонки своим счастливым визгом.

– А мы тоже можем поиграть? – спросила рыжеволосая девочка.

– Да. Все могут играть, – великодушно объявила Найя.

По какой-то причине я представила, как прячется офан Мира, и это меня позабавило. А потом вообразила, как Иш Элиза присоединяется к игре, и не сумела сдержать смех.

Жгучий взгляд Ашера вновь пронзил меня.

– Не хочешь поделиться причиной своего веселья, Селеста?

– Я бы хотела, но могу... облезть.

Он покачал головой, отчего прядь волос выбилась из его пучка.

– Если бы все было так ужасно, ты бы уже облезла.

– Верно. – Тем не менее я не стала делиться своими мыслями. – Скажи мне, Сераф, гоняясь за Тройками и сжигая крылья, как, во имя земли, вернее, Элизиума, ты нашел время и силы завести ребенка? – Я произнесла свою колкость ласково и тихо, чтобы она не дошла до Найи. Только до намеченной цели.

Выражение лица Ашера не просто помрачнело, оно стало абсолютно черным, точно смоль.

Найя дернула меня за пальцы.

– Пойдем, Селеста.

Я позволила ей утащить меня в сторону коридора, который вел к общежитиям младших ангелов, пока Ашер, стиснув зубы, начал отсчет.

* * *

Час спустя офан Пиппа пришла забрать Найю для купания. Хотя малышка и не хотела оставлять отца, в итоге пошла с офанимом.

Во время игры я ни разу не заговорила с Ашером, и он со мной тоже. Однако перед уходом я почувствовала необходимость сказать:

– У тебя очень милая дочь.

Его взгляд не отрывался от коридора, по которому ее увели.

– Так и есть.

Тишина между нами наполнилась такой враждебностью, что воздух мог вспыхнуть от одной искры.

Все еще не глядя в мою сторону, он произнес:

– Мне казалось, ты покончила с гильдиями.

– Мне нужно воспользоваться потоком.

Он искоса взглянул на меня.

– Куда ты хочешь отправиться?

Я опустила подбородок.

– Кое-куда.

Ашер повернулся ко мне, пригвоздив грозным взглядом.

– Ни один офаним не проведет тебя через канал без моего согласия.

Ого.

– Вот как ты разбрасываешься своей могучей силой, Сераф.

Он снова пронзил меня взглядом.

Я отступила, прижав ладонь к сумочке с прахом Мими.

– Тогда, полагаю, я воспользуюсь человеческим способом путешествия в Париж.

– Париж?

Вот же пресвятое перышко. Я не хотела раскрывать пункт назначения. Впрочем, неважно...

Я уже направилась к атриуму, когда Ашер спросил:

– Что ты собираешься делать в Париже?

Я взглянула на него через плечо.

– Внезапно мне захотелось макаронс. – Хоп, и крыло пронзила боль.

Сераф проследил за падением моего пера.

– Я сопровождаю тебя.

Должно быть, я утратила слух вместе с пером, потому что мне показалось, будто я услышала, как Ашер предложил меня сопроводить.

– Эм-м. Что?

– Я сказал, что сопровождаю тебя. – Он стремительно направился ко мне, а затем обогнал.

Мне не очень хотелось путешествовать с архангелом, поскольку существовало обязательное условие – держаться с сопровождающим за руку, но желание путешествовать со скоростью света оказалось сильнее, чем нежелание прикасаться к нему, поэтому я поспешила следом за Ашером.

Когда мы обогнули последний коридор и вошли в дымный столб чистого элизианского света, я спросила:

– Ты ведь не собираешься сбросить меня в Абаддон по пути?

Уголок его губ приподнялся.

– К сожалению, в Абаддон можно попасть только через Элизиум.

Поскольку Ашер лишен чувства юмора, я решила, что кривоватая улыбка была всего лишь зачатком жестокой усмешки.

– Действительно, какая жалость.

Он протянул мне руку. Подумать только, та же рука, что баюкала Найю, сожгла крылья Лей.

Прижав сумку к телу, я вложила свою ладонь в его, и мы взлетели в эфир.

Глава 14

Как только мы приземлились в потоке парижской гильдии, точной копии той, что была в Нью-Йорке, я отдернула руку.

Выходя, я бросила через плечо:

– Спасибо, что подвез.

Ашер последовал за мной. И не только по коридорам, но и по увитому розами атриуму. Ладно... Возможно, он сопровождал меня, потому что у него есть дела в Париже. По крайней мере, его непрощенная компания отвлекла меня от колющей боли, которая сопровождала возвращение в Гильдию 7 без Лей.

Я не позволяла своему взгляду блуждать по розовым цветам, ползущим по белым стенам, или по семи фонтанам, которые отличались от тех, что были дома, не размером, а образом. Флора, скульптуры ангелов и планировка – единственные вещи, которые отличались от гильдии к гильдии. Все остальное – фальшивое элизианское небо, кварц с огненными прожилками, пение воробьев – совершенно одинаковое.

Мы никого не встретили, вероятно, потому что здесь глубокая ночь. Неоперенные и офанимы уже спали или наслаждались тем, что город может предложить в выходные дни. Когда Ашер открыл дверь, а затем придержал ее для меня, я наконец остановилась.

– Ты же не преследуешь меня, Сераф?

– Насколько я знаю, нельзя назвать слежкой то, что ты идешь впереди кого-то.

Серьезно? Я скрестила руки.

– Ты знаешь, что я имела в виду.

– Ты здесь либо для того, чтобы забрать что-то из квартиры, которую вы делили с Мюриэль, либо чтобы захоронить ее прах... – Он уставился на мою сумку, словно пытаясь разглядеть контур урны сквозь ткань.

– Какое отношение причина моего приезда сюда имеет к твоему постоянному присутствию?

– Просто хотел убедиться, что ты безболезненно добралась до пункта назначения. Считай это благодарностью за игру с Найей.

– Благодарность за игру с твоей дочерью меня оскорбляет.

Его брови сошлись вместе.

– Взгляни на землю, Сераф.

– Зачем?

– Очевидно, ты считаешь, что я лгу.

Его взгляд даже не скользнул по тротуару.

– Я не всегда думаю о тебе самое плохое, Селеста.

– В это трудно поверить.

– Итак, куда ты направляешься?

– Ты уйдешь, если я тебе скажу?

– Нет.

– Тогда наслаждайся неведением. – Я шла впереди него, мои руки расслабились и опустились к бокам.

Дверь с грохотом захлопнулась, надеюсь, перед архангелом.

– Сейчас середина ночи, Селеста.

Не повезло.

– Тебе не следует разгуливать здесь одной.

Я попыталась промолчать. И быстро провалилась в своей задумке. Меня нельзя назвать спокойной и молчаливой, я всегда была вертлявой и болтливой.

– Я уже взрослая. Уверена, что со мной все будет в порядке. Кроме того, я планировала взять такси.

– Таксисты бастуют.

– Тогда поеду на метро.

– Там тоже забастовки.

Я прищурилась в сторону бульвара, но еще не могла разглядеть его в конце извилистой пешеходной улицы.

– Ты знаешь французов не хуже меня, Селеста. Они вечно бастуют.

Он прав. За два года, что я здесь жила, хотя бы раз в месяц проходили забастовки по тем или иным причинам. Обычно это было связано с желанием меньше работать и больше зарабатывать.

За спиной Ашера материализовались крылья, их бронзовые кончики мерцали в свете чугунных фонарей, торчащих из известняковых фасадов.

– Я могу доставить тебя туда, куда тебе нужно.

– Ты шутишь, верно?

– Разве похоже, что шучу?

– Нет, ты выглядишь крайне серьезно, что настораживает.

– Почему?

– Потому что. Ты предлагаешь отнести меня.

– Беспокоишься, что я не смогу?

Не бейся сейчас мое сердце о каждое ребро, я бы, возможно, фыркнула, но я была слишком занята попытками восстановить дыхание, чтобы голос звучал не столь потрясенно, как, вероятно, я выглядела.

– Я не сомневалась в твоей силе, Сераф. – Я взглянула на внушительные бицепсы, выступающие под коричневой тканью, – не огромные, как у бодибилдера, но с твердыми мышцами.

– Это не какая-то коварная уловка, чтобы подвесить тебя над Эйфелевой башней, пока ты не согласишься завершить крылья.

У меня пересохло во рту.

– Об этом я даже не думала.

– Тогда почему выглядишь так, будто тебя вот-вот стошнит?

– Потому что твое предложение прокатить меня по небу без ремня безопасности настораживает.

– Тебя никогда не поднимал в воздух ангел?

– Нет. Я земная девушка. И эта земная девушка очень любит ходить. К тому же мой пункт назначения находится в одном округе отсюда, так что я скоро окажусь на месте. Пешком.

Когда я начала поворачиваться, он спросил:

– Ты боишься?

Я замерла.

– Чего? Тебя?

– Полета.

Я выпустила воздух уголком рта.

– Конечно, нет. – Мои кости крыльев ныли. И ныли.

Ашер скрестил огромные руки на широкой груди. Не зная я мать Евы, другого архангела, я бы решила, что серафимы отлиты из иной формы, нежели все мы.

– Но вот тебе, с другой стороны, следует опасаться.

– Чего я должен опасаться, Селеста?

– Того, что я случайно – или нет – снова задену твои драгоценные перья, Сераф.

– Я выжил в первый раз. Уверен, что переживу еще одно покушение на мои крылья.

– Покушение? – Я ухмыльнулась, но потом стерла эту ухмылку, потому что передо мной стоял ненавистный человек, который заслуживал исключительно холодного приема и сердитых взглядов. – Слушай, если у тебя есть скрытое намерение показать мне, что я упущу...

– Нет у меня никаких скрытых намерений.

– Твое сострадание не знает границ, Сераф, но я все же предпочту пройтись. – Так я и сделала, зашагав по серебристым булыжникам.

Мгновение спустя воздух сгустился, и аромат Ашера – ветер, замша, солнечный свет – вновь окутал меня. Великий Элизиум, архангел упрям, и это говорит особенно упрямая девушка. Если я сделаю вид, что его рядом нет, он уйдет?

Я попробовала этот подход целую минуту, после чего не выдержала:

– Не мог бы ты найти другого неоперенного, чтобы, – я облизала губы, прежде чем слово «раздражать» сумело бы вылететь изо рта, – оказать помощь?

Вместо того чтобы понять намек, Ашер ответил:

– На днях я встретил твою маму.

Мой шаг замедлился. Неужели он пытался снова меня задеть? Почему, черт возьми, он заговорил о моем биологическом родителе?

– У меня нет матери, Сераф.

– Есть.

Я поджала губы.

– Она живет в гильдии...

– Эта женщина была утробой, а не матерью. – Поскольку я не могла оставить все как есть, я спросила: – Зачем ты с ней встречался? Чтобы обсудить мое затруднительное положение?

– Раз ты не хочешь иметь со мной ничего общего, я подумал, что она сможет до тебя достучаться.

Я мрачно усмехнулась.

– Она хоть помнит, что у нее есть дочь?

– Помнит, но вмешиваться не желает.

– Сюрприз. Сюрприз. – Почему я не могу думать о ней равнодушно? – Кстати, о матерях, Сераф, кто мама Найи?

Он изучал стеклянный фасад ресторана на углу, где одинокая официантка протирала столы. Когда мы проходили мимо, ее взгляд упал на Ашера, и полотенце выскользнуло из ее руки, шлепнулось на край стола и упало на пол. Поскольку она не могла видеть его крылья, я предположила, что ее потрясло его телосложение. Если только она не увлекалась косплеем. В своей коричневой тунике и таких же брюках архангел выглядел так, будто только что сделал передышку в бою со львом. Девушка следила за ним до самого бульвара, высунув язык изо рта. Ашер же совершенно не обращал внимания на свою ангельскую энергию.

Когда мы дошли до бульвара, я повторила свой вопрос:

– Итак? Кто же стал этой счастливицей среди истинных, которую ты оплодотворил, Сераф?

– Мать Найи была человеком.

Удивление – слишком слабое слово для описания моей реакции на его ответ.

– Была?

Он устремил страдальческий взгляд на проносящееся такси.

– Она умерла.

– Ох. Мне жаль.

Такси промчалось по полосе, предназначенной для общественного транспорта, посылая порыв холодного ветра в перья Ашера.

Я ахнула.

– Ты солгал о забастовке!

– Так и есть. – Его голос совершенно не выказывал сожалений.

– Не знала, что золотой мальчик Элизиума способен вводить в заблуждение бедных, ничего не подозревающих неоперенных.

Ашер закатил глаза. На самом деле закатил, в одну минуту его зрачки были направлены на меня, а затем на чернильное небо.

– Я бы не назвал тебя бедной или ничего не подозревающей, Селеста.

Я улыбнулась.

Как только его взгляд вновь устремился ко мне, выражение лица архангела смягчилось, что придало ему дружелюбный вид. Но этот взгляд только пускал пыль в глаза.

Ашер не добряк. Он могущественный, жестокий мужчина, который отнял у меня лучшую подругу.

Должно быть, он почувствовал направление моих мыслей, потому что его улыбка померкла, и он вздохнул.

– Что я сделал на этот раз?

– Дело не в том, что ты сделал сейчас, а в том, что ты сотворил в прошлом. Я не могу забыть и не могу простить.

В этот раз, когда я ушла, он не последовал за мной.

Глава 15

Кладбище пустовало, ворота были запечатаны. Мне даже не пришло в голову, что оно может быть закрыто.

Я заглянула сквозь чугунные решетки в поисках смотрителя с фонариком. Не найдя ни единой живой души, я прошла вдоль каменной стены в попытке разглядеть пост охраны, когда передо мной приземлилось тело.

Очень живое.

Когда Ашер сложил крылья, я отшатнулась.

– Да что с тобой такое? Нельзя так подкрадываться к людям.

– Я бы не назвал это «подкрадываться».

– Набрасываться! Нельзя так набрасываться на людей.

– Так ты принесла урну...

Гнев с изрядной долей раздражения выровнял удары моего сердца.

– Почему ты здесь?

Его лицо осунулось.

– Я пришел отдать дань уважения Лей и Джареду.

Я прищурилась.

– Ты не уважал ни одного из них при жизни. Зачем начинать сейчас? Все дело в совести? Она наконец-то тебя беспокоит?

Тени сгустились на его напряженном лице.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Я была там. В тот день, когда ты явился, дабы сообщить Джареду, что твой маленький план сработал. Что крылья Лей завершены. Я была там, когда ты проводил Лей с покрасневшими глазами через поток в Элизиум. Я была там, когда ты вернул ее на землю в номер отеля, за который так любезно заплатил. Я была там, когда Мими нашла ее тело. Их тела. Так что не смей заявлять, что я понятия не имею, о чем говорю!

Ашер заиграл желваками.

– А теперь уйди с дороги. – Я обогнула его, намеренно не давая прохода, чтобы взъерошить его перья.

Я ожидала, что он уберет их, но Ашер не стал ни окутывать их магией, ни прижимать к телу, и их кончики задели мое ухо и руку. Даже сквозь толстый шелк бомбера я почувствовала их легкое давление, и это заставило меня вздрогнуть. Либо у Ашера худшие в мире рефлексy, либо он сделал это нарочно, понимая, что меня это разозлит не меньше, чем его.

– Ах... Жизнь без крыльев...

Абаддон, дай мне силы.

– Теперь не против того, чтобы подняться в воздух, неоперенная?

Я замерла, но не из-за его предложения, а из-за ненавистного звания.

– Может, у меня и есть кости крыльев, но я не неоперенная.

Я снова пошла вдоль стены настолько бодрым шагом, что прохладный вечерний воздух змеился вокруг шеи и опускался к спине, вызывая мурашки на коже. Я запахнула куртку и обхватила себя руками.

Воздух дрожал, приподнимая кончики моих длинных волос. Я поняла, что мое послание наконец проникло в герметичный череп архангела и заставило его взлететь.

– Не кусайся, – прохрипел он.

Не...

Я уже начала поворачиваться, чтобы снова высказать Ашеру все, что думаю, поскольку, очевидно, одного раза оказалось недостаточно, когда он обхватил меня руками, прижав мои собственные к телу, и рывком поднял нас с тротуара.

Когда земля отделилась, я затаила дыхание. А потом мы стали стремительно падать. Прямо на кладбище. Приземление вышло не таким жестким, как я ожидала, но все равно выбило воздух из легких. Как только его руки соскользнули с моих, я развернулась и ударила обеими ладонями по его груди, толкнув Ашера так сильно, что он бы упал на землю, будь он человеком. Вместо этого отшатнулась я. Он поймал меня за локоть, чтобы удержать. Восстановив равновесие, я вырвала руку из его хватки.

– Ты не можешь просто хватать людей и улетать с ними!

– Технически я прыгнул. Высоко.

– Ты понимаешь, что я имею в виду!

– Лучше помолчи. Крик привлечет внимание.

Вена на моей шее все пульсировала и пульсировала. Я собиралась прикончить этого крылатого мужчину! Кости моих крыльев напряглись и вытолкнули перо.

Ашер проследил за его падением.

– Думаешь обо мне?

– Ох, ты даже не представляешь, – мрачно прошептала я.

У него хватило наглости ухмыльнуться. Но затем его взгляд снова поднялся к моему лицу, и его забавная гримаса исчезла.

– Что ж, лучше перестань, а то это усложнит мою миссию.

– Твою миссию? Неужели твоя ладонь, скользнув по небесному голоранкеру, присвоила тебе меня? – Я добавила в свой вопрос сарказм, чтобы скрыть любопытство.

– Ангелы не могут присваивать других ангельских существ.

Я изучала темное кладбище, пытаюсь сориентироваться и вспомнить, как добраться до склепа Адлеров.

– Слушай, спасибо за подъем. Даже за тот, о котором я не просила. Но, пожалуйста... Уберись отсюда к перьям, Сераф. – Я прошла по широкой дороге, потом свернула вправо.

– Тебе в другую сторону.

Я стиснула зубы. Будь я более мелочной, то продолжала бы идти в выбранном направлении, но, поскольку мне хотелось поскорее с этим покончить, я послушалась Ашера. Его взгляд скользнул по моему лицу, когда я прошла мимо, а затем по затылку, когда продолжила путь. Ветер трепал ветви лип, заставляя их щелкать, как старые кости. Звуковой эффект в сочетании с темнотой заставил меня вздрогнуть. Я попыталась напомнить себе, что земля подо мной заключает в себе только тела, а не души. К сожалению, это не помогло избавиться от жуткого ощущения.

Я остановилась на следующей главной дороге, пытаюсь найти знакомый указатель.

– Продолжай идти прямо.

Уф. Не обращая на Ашера внимания, я последовала его указаниям.

Через несколько минут я добралась до колонны из блестящего черного мрамора, испещренного именами: Исаак, Джейн, Нил, Микаэла, Тристан, Лей, Джаред. Вскоре к списку усопших добавится имя Мими.

Затаив дыхание, я провела по имени Лей.

– Она бы не хотела, чтобы ты был здесь. И Джаред тоже.

Ашер ничего не ответил. Неужели он наконец ушел? Я оглянулась через плечо. Нет. Все еще здесь.

Он стоял, скрестив руки на груди и крепко прижав к себе крылья.

– Их здесь больше нет, чтобы выказать протест. – Его взгляд не отрывался от двери склепа.

– Ты об этом позаботился.

Ветер скользнул по пушистой паутине его перьев, заставив их трепетать, хотя все вокруг оставалось неподвижным.

– Да, так и есть.

Вместо того чтобы наброситься на него – в первые несколько раз это не принесло никакой пользы, – я сделала вид, что Ашера здесь нет. Повернувшись, я присела, а затем потянула за ручку приземистой металлической двери, которая вела вниз, в склеп.

Когда мне удалось открыть ее, пот струйками стекал по спине. Я вытащила из сумки свернутый шарф. Меня снова окутал запах Мими, заставив грудь сжаться, а глаза наполниться влагой.

«На самом деле она не исчезла», – напомнила я себе, отпуская ее закутанные останки в темную яму.

Это не облегчило мою ужасную боль, потому что, даже если она не исчезла, однажды это случится со мной.

Глава 16

Похоронив Мими, я захлопнула металлическую дверь склепа, а затем вытерла руки о бедра. Ашер все еще стоял там, возле мраморной колонны с именами.

Он вскинул брови, когда я прокралась к нему, а затем приподнял их еще выше, когда я остановилась прямо перед ним. Я сжала руки в кулаки и медленно дышала, заменяя теплый цитрусовый аромат Мими свежим, прохладным запахом Ашера, а затем ударила его в грудь, прямо в то место, где стучало его черное сердце.

Его губы приоткрылись от моего первого удара, а затем крепко сомкнулись, когда я продолжила наносить следующие. Он не подначивал, но и не останавливал. Ашер позволял мне бить себя, пока кости моих крыльев не заболели так же сильно, как костяшки пальцев. В какой-то момент он поймал мои кулаки, зажав по одному в каждой руке, сомкнул пальцы вокруг них и опустил.

– Я еще не закончила, Сераф!

– Закончила.

– Не смей мне указывать! – Я попыталась вырвать кулаки, но он крепко их держал.

– Если бы перья так не реагировали, я бы с радостью позволил тебе продолжать, Селеста, но ненависть ко мне лишь вредит твоим крыльям, так что успокойся.

– Ты сжег крылья Лей! Ее тело разлагается у нас под ногами из-за тебя! Ее душа... Свет ее души померк из-за тебя! – Мне удалось освободить один кулак, но не второй. Прежде чем я успела впечатать его в лицо архангела, он поймал мое запястье и завел мою руку мне за спину, затем сделал то же самое с другой рукой, сковав обе.

– Я тебе не враг.

– Вся система – мой враг, а поскольку ты находишься на самой верхушке, ты и есть враг.

Ашер расправил крылья и окружил ими наши тела, заключив нас в клетку из перьев.

– Боишься, что ишимы увидят, как ты бьешь другого ангела? – выплонула я, борясь с его хваткой, напоминавшей тиски.

– Нет. – Он приблизил губы к моему уху и прошептал, обдав кожу горячим дыханием: – Боюсь, что они услышат, как я признаюсь в том, что может уничтожить ее... и меня.

– Ее? – Я попыталась отстраниться, но у меня не оставалось сил, поскольку руки были связаны за спиной, а огромное тело нависло надо мной.

Он дышал, просто дышал, каждый глоток воздуха становился резче и горячее предыдущего.

– Я спас ее душу.

На этот раз, когда я запрокинула голову, мне удалось немного увеличить пространство между нашими телами.

– Где... Где она? – Ее произнесенное имя цеплялось за окутывающую нас тьму.

Ашер так крепко зажмурился, что тонкие морщинки очертили контур глаз. Его рот тоже сжался в тонкую линию. Я хотела, чтобы он открылся и ответил, но он оставался сомкнутым.

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

Полог из перьев отбрасывал на него тень, но все же я различила биение вены на его виске и трепещущую прядь волос, которая выбилась из-под резинки.

– Я только что проклял себя, Селеста, – его глаза медленно, но не полностью открылись, – а ты спрашиваешь, не лгу ли я? – Его пальцы соскользнули с моих запястий, но крылья остались на месте, и, хотя ни одно перо не коснулось моего тела, я чувствовала их повсюду.

Я потеряла запястья, будто серафим причинил мне боль, но он этого не сделал.

Я задрожала, словно замерзла, но это не так.

Я ошеломлена. И расстроена.

Ох... так... расстроена.

Я влепила Ашеру пощечину.

– Как. Ты. Смеешь. – Кости моих крыльев напряглись, когда ишимы украли еще одно перо, пополнив фиолетовый холмик возле моих сапог.

Архангел моргнул.

– Как я смею что?

– Как смеешь говорить мне об этом только сейчас! Как смеешь позволять мне верить, что... что... – Я не хотела плакать, но всхлип вырвался наружу. – Четыре с половиной года, Сераф, – прохрипела я. – Четыре с половиной года. Кусочек моего сердца был мертв четыре с половиной года.

Смертельно тихим шепотом он произнес:

– Если не замолчишь, этот кусочек будет похоронен навсегда.

Мои глаза расширились настолько, что ресницы коснулись бровей. Я даже не подумала о том, что за ее душой могут охотиться, желая уничтожить.

– Вообще-то, я ожидал объятий, – пробормотал он, потирая челюсть. – Или, по крайней мере, благодарности.

– Прости. За то, что накричала, и за то, что ударила. – Я уставилась на фиолетовый холмик, который легко мог бы заполнить небольшую наволочку, но затем меня поразила первая часть его предложения. – Ты только что сказал, что хочешь обняться?

Ашер отнял ладонь от лица.

– Я не говорил, что хочу этого.

Несмотря на то, что его дочь обидчива, не думаю, что она унаследовала это от отца. Скорее всего, от матери.

– У меня есть вопросы.

– Могу представить, но не здесь.

– Тогда где?

– Я знаю одно место.

– Отнеси меня туда.

Он вскинул брови, будто удивленный моим быстрым согласием.

– Ты уверена?

Я кивнула.

Выпрямившись, Ашер расправил плечи, покачивая крылья, и вновь явил нас ночи и таящимся в ней существам. Может, лавандовокрылый ишим раскачивался где-то над нами, пытаясь подслушать?

– Это место... – Слово «далеко» превратилось в визг, когда меня подхватили, оторвав ноги от земли. Мои руки взметнулись, схватив архангела за шею, когда он взмыл вверх. – Неплохо было бы предупредить, – проворчала я.

Не уверена, услышал ли он меня, но, когда Ашер перестал махать своими мощными крыльями, он сказал:

– Мне не хотелось обсуждать лучшее средство передвижения.

– Так ты лишил меня выбора? – Я усилила хватку, не заботясь о том, что мои кольца могут оставить синяки. – Почти забыла, что это один из твоих многочисленных талантов. – Неразумно отпускать насмешки на такой высоте, но мудрость никогда не была моей сильной стороной. А вот в честности, напротив, я хороша.

Своим комментарием я заработала укоризненный взгляд, но быстро забыла о нем, когда тело архангела, а значит, и мое, накренилось вперед. У меня свело живот. Я отвернула лицо от улиткообразного города внизу и прижалась к твердой груди Ашера. Хотя его пульс был не таким бешеным, как мой собственный, он участился, отдаваясь в моем лбу, носу, подбородке.

Я вдыхала аромат черного ветра и теплой замши, пока обороты моего желудка не замедлились.

– Ты прикидываешь, где удобнее меня скинуть?

Пару мгновений мы скользили в тишине, затем Ашер ответил:

– Возможно.

Я открыла глаза, чтобы проверить, серьезно ли он говорит.

– У меня все еще есть кости крыльев.

Он нахмурился.

– Если бы ты меня бросил, я бы не умерла.

– Знаю.

– Но было бы больно. – Вероятно, в этом и смысл... Я подумала – наверное, хорошо, что я не планирую завершать свои крылья, раз меня так сильно укачивает и кружится голова.

– У меня нет намерений причинить тебе боль, Селеста.

И все же он...

– Селеста?

– Просто пытаюсь не заблевать твою красивую форму, Сераф. – Я сглотнула. Один раз. Два. Наконец, я отлепила лицо от торса Ашера.

Он опустил взгляд на раскинувшийся под нами город, на который у меня не хватало смелости взглянуть. Единственное, на что я решилась посмотреть, – поток звезд над головой.

– Задавай свои вопросы, Селеста.

Я моргнула, глядя на небо.

– Здесь? – Прохладный пот леденил кожу, несмотря на то, что я прижималась к жаровне в форме ангела.

– В небе негде спрятаться. Особенно в ясные ночи.

Я тупо огляделась. Когда увидела Эйфелеву башню – миниатюрную Эйфелеву башню, – сверкающую в ночи, мой желудок сжался, и я снова прижалась лбом к груди Ашера. Он привел меня сюда, потому что это действительно самое безопасное для разговора место или потому что он мог полностью контролировать ситуацию?

Это не имело значения.

Я сделала несколько успокаивающих вдохов. Не думай о том, где находишься. Ты в безопасности.

Вроде как.

– Его ты тоже спас?

– Да.

Удивление заставило меня оторвать лицо от замши.

– Они вместе в Элизиуме?

– Нет.

– Не вместе? Или их нет в Элизиуме?

– И то и другое. И ни одно из них.

– Один из них в Абаддоне?

– Нет. – Сияние далеких звезд окаймляло щетину на его напряженной челюсти.

– Тогда где они?

Ашер кивнул на мир внизу.

– В Париже?

– На земле. Не в Париже.

– Они вместе?

– Нет.

– Ты их разлучил? – Я не верила в родственные души, но Лей верила и считала Джареда своей.

Внимание Ашера переключилось с мерцающего города на меня.

– У меня не было выбора.

Не было выбора? Или он все еще пытался заполучить Лей для себя? Я отложила этот вопрос на потом.

– Насколько мне известно, души не летают по земле. Я так понимаю, ты поместил их в человеческие утробы?

– Нет.

Мои брови взлетели вверх.

– Тогда... куда?

– Если бы я поместил их в утробы, они стали бы чьими-то детьми. Я хотел, чтобы они росли в гильдиях, дабы у них появились кости крыльев. Чтобы был второй шанс. – Он скосил взгляд на мои заплетенные лентой волосы. – Как много ты знаешь о реинкарнации?

– Только то, чему учат в гильдиях. Что малахим должен вложить душу в утробу матери где-то в первом триместре жизни. И что, если этого не сделать, сформируется новая душа, обеспечивая миру необходимый баланс нового и старого.

Ледяной ветер отнес наши тела в сторону. Мои пальцы сжали шею Ашера, отпечатывая на коже форму всех шестнадцати колец.

Уголок рта архангела приподнялся.

– Расслабься, Селеста. Я тебя не уроню.

– Тебе легко говорить. У тебя есть крылья. – Прядь волос упала мне на лоб. Желание убрать ее назад уступило желанию прижаться к Ашеру.

Он перехватил меня, и я хрипло охнула. Его большой палец зацепил прядь и заправил ее.

– Просто помни, что я могу лететь быстрее, чем ты падать.

– Как... утешительно.

Его улыбка стала немного шире и разгладила десятки тревожных морщинок.

– Вообще-то, откуда тебе это знать, если ты никогда никого не ронял?

Его глаза заискрились тем, что я могла бы принять за озорство, будь он ребенком, но Ашер не малыш. И не был им уже столетие – даже больше столетия.

– Я никогда не ронял никого, кто не просил об этом.

– Кто в здравом уме будет просить, чтобы его уронили? Знаешь что, не бери в голову. Вернемся к Лей. Куда ты ее поместил?

Вздых вытеснил остатки света с его лица.

– Ты знаешь, что некоторые новые души не всегда... выживают?

– Ты говоришь про мертворожденных? Ты... реанимировал мертворожденного?

– Двух.

– Наделив их душами?

– Да.

– Ты можешь так делать?

– Архангелы способны творить некоторые чудеса.

– Тогда почему ты не реанимировал Лей и Джареда?

Его веки закрылись.

– Их сердца перестали биться задолго до того, как я до них добрался.

Я не думала, что смерть огорчает архангелов, но я также не считала серафимов способными играть в прятки.

Моя кожа внезапно покрылась мурашками, которые не имели ничего общего с температурой окружающей среды. Лей умерла четыре с половиной года назад, а Найя...

– Найя... – наполовину выдохнула, наполовину прошептала я.

Ашер поднял веки, и его глаза, которые не были похожи на глаза Найи, нашли мои.

– Она... – Жар пробежал по моему лицу, затем по груди. – Вот почему... – Мое горло сжалось, и мерцание звезд слилось воедино, пока Ашера не окружил ореол света. – Вот почему она знала мое имя.

Прошло несколько мучительных мгновений.

– Я боялся этого.

– Боялся, что она узнает мое имя?

– Что ее душа узнает твою.

Биение моего сердца споткнулось на середине удара.

– Разве ты не очистил ее, прежде чем поместить в новое тело?

– Да, но ваши души имели глубокую связь, такое нельзя стереть. По крайней мере, без нанесения непоправимого ущерба. – Он сказал это так обыденно, что к моему удивленному взгляду добавился широко раскрытый рот. – Вы двое были родственными душами.

– Что? Я думала... Джаред...

– Он не был ее родственной душой.

– Но...

– Такая связь подразумевает дружбу, Селеста. А Джаред... Верю, что он представлял собой нечто большее. Думаю, он был ее *neshahadza* – половинкой ее души.

Я все еще обдумывала тот факт, что родственные души существуют. А теперь еще и половинки душ?

– *Neshahadza* обладают самой глубокой и редкой связью. – Его лицо исказилось от отвращения или боли? Скорее всего, отвращения, учитывая, как плохо архангел относился к любви. – Как только их души соединяются, для них становится невозможным жить друг без друга.

Пока мы покачивались в черном океане, я почти забыла, что нахожусь в подвешенном состоянии над абсолютной пустотой. Почти забыла, что прижимаюсь к мужчине, которого так долго ненавидела. Мужчине, к которому более не испытываю ненависти. Как я могла, когда он бросил вызов небесному закону и спас достойную душу?

Две достойные души.

– *Neshahadza*, – прокатилась я ангельское слово на языке. – У всех она есть?

– Да, но большинство людей никогда не встречают свою половинку и довольствуются одной из родственных душ.

– У нас больше одной половинки души?

– Нет.

– А ты встретил свою?

Ашер скосил на меня взгляд, который мог бы заставить меня хмыкнуть, не будь я полностью в его власти.

– Ты ведь уже не тоскуешь по Лей, верно?

Его рот скривился от отвращения.

– Конечно, нет! С чего бы тебе предполагать такие ужасные вещи?

– Ты хотел жениться на ней...

– Потому что ее душа прекрасна. Это никогда не было вопросом физического влечения.

– Она не твоя биологическая дочь, Сераф, так что технически...

– Она ребенок.

– Дети вырастают.

Он вздрогнул. То есть действительно вздрогнул.

– Может, в ней и нет моей крови, но она моя дочь во всех отношениях, которые имеют значение, и я никогда не оскверню это подобной связью. Никогда. – Он снова вздрогнул, и так сильно, что мое тело покрылось мурашками. – Пожалуйста, никогда не намекай на подобное. Это отвратительно.

– Прости, но я должна была спросить.

– И ты спросила. Теперь тема закрыта.

Я кивнула.

Он медленно взмахнул крыльями, и мы снова заскользили по сверкающей безбрежности.

– Ты воспитываешь Джареда как своего сына? – Поскольку души не имеют пола, я добавила: – Или дочь?

– В этой жизни он тоже мальчик. И нет. Я не имею к нему никакого отношения. Происхождение одного ребенка уже было достаточно сложно объяснить.

– Представляю. – Меня охватило странное желание обнять архангела, но я не хотела напугать его и рисковать падением, даже если он поклялся, что поймает меня быстрее, чем я достигну земли.

Возможно, я обниму его позже, на твердой поверхности, перед тем как мы разойдемся по разные стороны. Хотя могли ли мы разойтись? У меня оставалось еще три месяца до того, как мне закроют доступ в гильдии. Могу ли я вернуться к своей жизни и притвориться, что душа Лей не является частью этого мира?

Глава 17

- Так что случилось с Джаредом?
- Я доверил его офаниму из венской гильдии, – объяснил Ашер. – Тобиасу.
- И этот Тобиас... Он знает?
- Да.
- И ты ему доверяешь?
- Своими крыльями.
- Крылья – наивысшая ценность для ангела.
- Когда-нибудь ты познакомишь детей?
- Нет, пока не изменю закон о душах нефилимов.
- Ты пытаешься добиться его изменения?

– Пока не очень активно. Как только дети докажут свою ценность, как только они оба вознесутся, я начну с этим бороться. Что касается знакомства, хотя я надеюсь, что они еще долго не встретятся, но ты уже отыскала путь к ней. Полагаю, он тоже его найдет, или она к нему, когда оба смогут свободно странствовать по миру. – Его грудь вздымалась с рваными вздохами. – И я думаю, что их души каким-то образом узнают друг друга.

- Мне кажется, ты только что заработал седые волосы, Сераф.

Он тихонько фыркнул.

- Удивлен, что у меня вообще остались волосы.

Я ослабила хватку на его шее, но не потому, что меня отпустил ужас от такой высоты, а потому, что не хотела причинить ему боль. Больше нет. Даже если он сделал это не для меня, спасение Лей казалось подарком.

- Как зовут Джареда на этот раз? Люцифер?
- Веселье разгладило напряженное лицо Ашера.
- Ему бы подошло.

– И также нарисовало бы мишень на его спине. – Он уставился на темный город внизу. – Тобиас назвал его Адамом.

- Адам и Найя. Мне нравится, как звучит.

Ашер поджал губы. Очевидно, он моего мнения не разделял. Потому, что Найя теперь была его маленькой девочкой, или по той причине, что он все еще не любил... Адама?

- Тогда мне кое-что пришло в голову. То, что внезапно обрело смысл.

– Мими знает. Вот почему она не назвала тебя крестцовой дыркой и не отправила куда подальше.

Ашер приподнял бровь.

- Дыркой?
- Тебе действительно нужно, чтобы я объясняла?
- Думаю, сам разберусь. – Это была улыбка? – И да. Она знает.
- А Иш Элиза?

Его голова чуть дернулась назад.

- Иш Элиза? Откуда ей знать?

Я пожала плечами.

– Найя упоминала, что вы двое близки, когда мы сидели в сундуке с игрушками и ждали, что ты нас найдешь.

– Иш Элиза работает вместе со мной. Между нами ничего нет, а если бы и было, я бы никогда ей не сказал. Ты же понимаешь, за то, что я сделал, меня могут не только понизить в должности, но и убить.

- У тебя есть крылья.

– Которые обратятся в пепел, если станет известно, что я спас душу нефилима – две души. И я подозреваю, что Семерка не остановится на моих крыльях.

– Они опалят твою кожу?

– Кожу? Нет... Сразу возьмутся за душу.

– Вы можете сжигать души?

– Огонь архангела может сжечь многое. – Между бровями Ашера залегла складка. – Я знаю, что ты меня ненавидишь, Селеста, но, если попытаешься навредить мне этой информацией, ты также навредишь Найе. Они без колебаний, – он вздрогнул, – сожгут ее душу.

Все еще держась одной рукой за шею, я позволила другой коснуться его щеки.

– Я не ненавижу тебя. Больше нет. И обещаю забрать все, что ты мне сейчас сказал, с собой в земную могилу.

– Могилу?

– Если только ты не сжалишься над моей душой нефилима.

– Ты не нефилим.

– Пока что. – Моя рука снова скользнула к его шее.

– Я думал, что, если доверюсь тебе, ты передумаешь.

Так вот почему он это сделал?

– Даже если бы я передумала, Сераф, к сожалению, у меня нет возможности завершить крылья вовремя. Мне нужно заработать семьсот перьев до середины декабря.

Бронзовые кончики его крыльев трепетали, пока мы неслись по воздуху.

– И?

– И это невозможно.

– Как и возвращение Лей и Джареда. – Пряди волос упали ему на лоб.

– Если бы ты только сказал мне раньше... – Впервые за четыре года я пожалела, что испортила свои крылья. – Прости. Ты не виноват.

– Виноват. Целиком и полностью. Все это моя вина. – Давление его большого пальца, которым он ранее убрал прядь моих волос, усилилось. Оно не причиняло боли. Скорее напоминало о том, что он обнимает мою голову. И тело, если уж на то пошло. – Позволь мне помочь, Селеста. Позволь попытаться возместить ущерб, который я причинил.

Я закусила нижнюю губу и провела по ней зубами, обдумывая его предложение и последствия – не вызовет ли помощь архангела удивления? А потом я взвесила наши шансы на успех – с каждой минутой они уменьшались.

– Знаю, ты считаешь, что я не способен предоставлять людям выбор, Селеста, но это не так. И я не стану принуждать тебя, если ты действительно не хочешь возноситься. Не теперь, когда ты знаешь.

– Правда?

– Правда. Но я буду разочарован, если ты не попробуешь. – Его рот чуть скривился. – Не говоря уже о Найе и Мими...

– А я-то думала, что архангелы выше шантажа.

– Принуждение – наша специальность, наряду с огнем и впечатляющим размахом крыльев.

– И изрядной дозой смирения.

Его глаза сверкнули.

– Это работает?

Мне ясна причина, по которой он пытается заставить меня передумать – чувство вины выступает сильным мотиватором, – но будет ли попытка совершить невозможное достаточной, чтобы успокоить его совесть? И самое главное, чего хотела я сама?

Мне нравилась жизнь, которую я устроила для себя на земле. Нравился колледж и мой человеческий лучший друг. Попытка заработать семьсот перьев казалась хаотичной и утоми-

тельной. Не говоря уже о том, что, если каким-то чудом мне удастся это сделать, я распрошусь с миром, который успела полюбить, ради того, который презирала.

– Селеста? – Голос Ашера звучал столь же мягко, как ветер, что овеивал наши кочующие тела.

Я вздохнула.

– Если я соглашусь, как ты поможешь? Как именно ты сможешь помочь?

Его руки усилили хватку, словно теперь, когда я обдумывала его предложение, он не хотел рисковать тем, что я ускользну.

– Я бы предварительно отобрал грешников. Присвоил бы их к тебе без необходимости заглядывать в гильдию. Сэкономил бы тебе как можно больше времени.

– Это будет полноценная работа, Сераф. Разве тебе не нужно править Элизиумом?

Ашер не улыбнулся. Нет, он был пугающе серьезен.

– Пока твои крылья не завершатся, я буду рядом с тобой.

– Планируешь держать меня за руку, да?

Его торс и руки напряглись.

– Я, хм... Я...

Ощувив его дискомфорт, я закатила глаза.

– Расслабься. Я пошутила.

Я уставилась на звезды, желая, чтобы они дали мне совет. Если я соглашусь и потерплю неудачу, удар будет настолько сильным, что я вряд ли сумею от него исцелиться. Но если даже не попытаюсь, всегда буду задаваться вопросом. А если бы я преуспела...

– Потерпеть неудачу или вечно задаваться вопросом? – пробормотала я вслух.

– Что?

– Я взвешиваю последствия решения для моего рассудка.

Ашер замолчал, будто давая мне время сделать выбор.

Если не умру, попытаюсь заработать перья, то смогу жить вечно со всеми, кого люблю.

– Ладно. Давай сделаем это. Или попытаемся, по крайней мере, но, если я сойду с ума, пока у меня еще есть кости крыльев, это будет на твоей совести, Сераф.

Улыбка преобразила его лицо так, что оно затмило чистейшие крылья истинных.

– Я бы пожала тебе руку, чтобы скрепить нашу сделку, но не хочу, чтобы ты убирал хоть один палец с моего тела в данный момент.

Он усмехнулся. Звук оказался на удивление привлекательным.

– Есть ли шанс, что теперь, когда ты получил желаемое, мы сможем приземлиться?

– Твое желание для меня закон. – Ашер прижал меня к себе, затем наклонился и сложил крылья.

Я закричала, когда мы рассекали воздух, падая так быстро, что я попыталась взобраться на архангела.

– Не так быстро! Остановись! Пожалуйста! Меня сейчас стошнит. Остановись!

Его крылья раскрылись, и, хотя наши тела подбросило вверх, мой желудок ухнул к копчику.

– Селеста, тебе нечего бояться. – Его хватка на мне ослабла, затем усилилась.

– Я не люблю скорость. Также не люблю высоту. И у меня жуткая морская болезнь.

– Мы можем парить, но это займет некоторое время. Я предположил, что ты хочешь быстрее вернуться на землю.

– Другого варианта нет?

– К сожалению, нет.

Я взглянула вниз, чтобы понять, сколько еще пространства нам предстояло преодолеть.

– Зачем нужно было подниматься так высоко? – пробормотала я, увидев Большой дворец, куполообразная крыша которого из стали и стекла сейчас была размером с жевательную резинку.

– Будучи ребенком, я верил, что звезды – это души, которые покинули Элизиум, устав от человеческого и небесного миров. – Ашер обратил взгляд вверх. – Когда офаним объяснил, что это шары из горящего водорода и гелия, я заплакал.

Я фыркнула, потому что угрюмость этого ангела сродни чувствительности Найи.

– Не могу представить, чтобы ты плакал.

Его взгляд вернулся ко мне, сверкая, будто в нем поселился звездный свет.

– Ты, вероятно, также не можешь представить, чтобы я когда-либо терял перо, будучи неоперенным.

Я нахмурилась.

– Такое случилось? Потерял хоть одно?

– Много.

– Но не так много, как я, верно?

– Полагаю, ты рекордсмен по количеству потерянных перьев.

Я изобразила гордую улыбку.

– И еще рекордсмен по количеству перьев, заработанных вне службы.

– Вне службы?

– Не на миссиях.

– Хм. Так, значит, к моменту моего вознесения я заработаю почти два полных комплекта.

По крайней мере, это должно дать мне доступ к рангу малахима.

Он сглотнул.

– Обещаю, когда ты вознесешься, я буду бороться за то, чтобы предоставить гибридам те же права, что и истинным.

– У тебя впереди более важная битва. Как только выиграешь первую, мы перейдем ко второй.

Поднявшийся ветер разметал мои волосы по лицу. Удерживая Ашера за шею одной рукой, я отняла вторую, чтобы заправить выбившиеся пряди.

– Мими решила не возвращаться, так?

По его лицу скользнула тень улыбки.

– Нет. Она ждет тебя.

Пока мы приближались к земле, я сосредоточилась на непоколебимой уверенности Мими, а не на том, сколько пути нам предстояло преодолеть. Вернее, мне еще предстояло преодолеть.

И я говорила не о земле под нами.

Ашер сделал невозможное. Смогу ли я?

Глава 18

Когда мы вернулись в гильдию Нью-Йорка, старшие неоперенные как раз заканчивали ужин или готовились к выходу в город, на миссии или ради развлечений. Несколько остановились и уставились на нас с Ашером.

– Раз уж я здесь, Сераф, давай заглянем в Зал Оценки, и ты покажешь, кого мне завтра предстоит перевоспитать.

– Ты вымоталась, Селеста. Почему бы тебе не пойти домой, а я...

Раздался пронзительный визг «Ара», за которым последовал маленький светловолосый торнадо, мчащийся прямо к Ашеру. Он пригнулся как раз вовремя, чтобы поймать налетевшего ребенка.

Поднявшись, архангел убрал волосы с ее лица.

– Почему ты все еще не спишь?

Мое сердце замерло.

Лей...

Моя подруга здесь, в новом теле, но она прямо здесь. Протяни я руку, и смогу ее коснуться.

Я уже к ней прикасалась.

– Я пыталась заснуть, но мне приснился очень плохой сон, *ара*. – Она вздрогнула. – Было так страшно. Там был мужчина. И он душил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.